

Елена Трещинская

*

*

*

*

*

*

*

*

Улиткин Дол

16+

Елена Трещинская

Улиткин Дол

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Трещинская Е.

Улиткин Дол / Е. Трещинская — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Шестнадцатилетний москвич из обеспеченной семьи начинает совершать необычные путешествия в беспредельные дали неожиданным для себя способом, и не покидая города. Затем те, кого он встретил в этих внутренних путешествиях, начинают проявляться в его реальной московской жизни. Парень проводит четыре сезона – год, посещая странные места, в которых он встречает всё, чего ему не хватает в реальной жизни. Он находит разгадку многих вещей и ответы на свои вопросы, которые и многие из нас задают. На страницах путешествия вы встретите не только ответы и новые вопросы, знакомых персонажей истории, земного и неземного юмора, а также неожиданности, которые будут подстергать читателя на каждой странице.

Содержание

Часть 1. Осень	5
Глава 2. Кто кому снится	12
Глава 3. Барсук	17
Глава 4. Дом Красной Герани	23
Глава 6. Беркана	34
Глава 7. Тьма невежества и Библиотека Земли	39
Глава 8. Лапка вещает	49
Глава 9. Маназ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Трещинская

Улиткин Дол

Часть 1. Осень

Глава 1. Предчувствие. Иди за тягой

Взрослые худо-бедно способны воспринимать истинную реальность, но только через сказки. Детям же можно рассказывать всё как есть.

«Пора бежать отсюда», – такая мысль стукнула Яшу изнутри головы как мяч, и тут глаза его словно раскрылись. Он посмотрел вокруг.

Он сидел на улице на бордюре в центре Москвы 2011 года и видел не город, в который мечтают попасть миллионы, а тесное нагромождение разномастных домов, труб, стеклянных игл офисов, церквей, заборов и ларьков, бутиков и платных туалетов, одинаково выставленных напоказ. Очень отличались друг от друга однотипные здания детских садов и манящие окна ресторанов, а продолжали эту «смесь» многочисленные заводы, фабрики с косыми заборами, убогие здания кинотеатров, и обширные вещевые рынки. Рынки – думал Яша – особые зоны, изобилие и размах которых как бы указывают горожанам, что в их жизни должно занимать основное место, и где им эту жизнь коротать.

А лава машин, заполнившая улицы? Так вот и погибли Помпеи. Был город, а за последние тридцать лет стала вонючая парковка. Всё это – дома, центры, стоянки – напоминало гору дорогих и дешёвых игрушек, сдвинутых в кучу, вроде свалки.

Суть этого столичного нагромождения – тоже свалка примитивных целей и эмоций. Дикая скука. Включая школьную программу, окружающих девиц, и предлагаемые по телевизору стороны жизни. И что, это всё? Это вот такая реальность? Весь набор на сегодня?

Яша Трубочёв рос в обеспеченной семье. Он пока не определился с направлением дальнейшего движения по жизни, хотя с раннего детства мама грузила его языками, репетиторами, логопедами и спортивными тренировками. Но это был выбор его мамы Марины, а она любила свой выбор и свою реальность.

У Яши единственным любимым занятием, почти постыдным среди его сверстников, было чтение. Это занятие отключало от предлагаемой повсюду тошнотворной реальности и уводило в другие, пёстрые или нежно-туманные, придуманные или забытые реальности, в которых самочувствие почему-то улучшалось, делалось весело и интересно. Книжки читались валом, запоем совершенно разные, включая бульварные, научные, фантастические, конечно, школьная программа по литературе и её широкие окрестности, не поместившиеся в учебник, – всё это постигалось Яшей легко.

Разумеется, всё дело в закалке: в детстве малыш посещал двуязычный детский сад, плавно перешёл в престижную двуязычную школу, продолжая начатые в детсаду тренировки по карате. По сравнению с этой нагрузкой поглощение книг – как поглощение конфет. Да ещё уроки флейты и китайский язык, но это, благодаря заступничеству бабушки, удалось быстро исключить из своей жизни. Однако, мамин принцип – ни минуты свободной у детей быть не должно – работал на радость только себе и маме Марине.

Итак, немало благодаря книжкам, общий контур этого мира стал Яше к шестнадцати годам более-менее ясен: всё самое интересное испытано, описано и уже произошло. В основном, где-то в других странах. Дальше что?

«Что мне интересно? Школа – никому. Любовь, семья – это лотерея. А вдруг не смогу влюбиться? Девушки чего-то будут требовать. В кино только кровяшки и ненависть разного

калибра, разнообразие злых морд, которые целятся друг в друга, – скукота. Может, путешествовать?.. Нет, только если с целью, а какая цель?».

Мимо Яши торопились или прогуливались разные люди. Слышались обрывки разговоров на три-четыре темы всего: деньги, выпивка, женщины, ремонт машины. Студенты – про зачёты.

«Темы – как в зоопарке. Только клетка со зверем хомо сапиенсом лопнула и разрослась на всю планету. А я что люблю делать? Не всю же жизнь мне только книжки читать? Поехать что-нибудь строить? У меня руки не тем концом вставлены. Да и дело не в этом, а в том, что этот мир, в смысле эта «цивилизация», мне в целом не нравится, и улучшать её стройками не вижу смысла». Сила, толкавшая бежать, была огромной и нарастала.

«Ладно, куда сбежать?» – Яша тяжело встал с бордюра и пошёл в сторону Новодевичьего монастыря, свернул по улице направо, налево и, слушая стук мяча в голове, пришёл к дому своей бабушки, – старый дом начала прошлого века, когда тут ещё был город Москва. Он поднялся без лифта на третий этаж, позвонил и, чмокнув бабушку, открывшую дверь, сразу прошёл в сторону кабинета.

Бабушка, Клавдия Михайловна, преподавала в институте литературу, и поэтому не только маленький кабинет был заставлен книгами, но также прихожая, кухня, кладовка, туалет, и каждая из трёх комнат (половина книг прочитана Яшей). Вернувшаяся с работы бабушка была нарядно одета в шёлковую светлую блузу, безупречную юбку из дорогой шерсти и туфли на удобных каблучках. Руку украшал широкий ажурный браслет из слоновой кости. Профессорша.

– Ба, – бросил Яша на ходу по-подростковому мрачно, – я посплю.

Яша задёрнул в кабинетике бордовую штору и плюхнулся на старый проваленный посередине вишнёвый бархатный диванчик. Давным-давно это был кабинет дедушки, который тоже преподавал в институте: немецкий язык, переводы средневековых немецких классиков были его любимой работой. Но он умер более десяти лет назад, Яша его помнил смутно. Кабинет в этой комнате так и остался, а дедушка теперь смотрел с фотографии.

Бабушка принесла подушку, плед и сказала:

– Есть котлетки и салат. Не сори. Я ушла, у меня лекция.

– Пока, бабуль.

– Яша, мама сказала, что ты много пропускаешь занятия, – сказала Клавдия Михайловна сдержанно, но холёные её щеки слегка покраснели, что означало крайнее беспокойство. Яша отвернулся к бархатной спинке дивана и закрыл глаза. Бабушка постояла молча и прикрыла дверь. Она была в высшей степени деликатна.

«Кто-то приврал: пропущена только математика и физика по разу», – ворчала голова, засыпая.

Здесь, у бабушки, спалось почему-то приятнее и спокойнее, чем дома, в казённой квартире в самом центре столицы в стеклобетонных апартаментах дипкорпуса, где обитала его семья. Мама Марина – дипломат, работает в посольстве, спец по экономике африканской страны, а дома она – своя, клёвая, в джинсах и растянутом свитере, с пышной чёлкой над острым носом, с вечной папиросой в зубах. Конечно, она курила сигареты, но держала их зубами, как матрос папироску. Она была всегда страшно занята. По всему пространству квартиры носился младший брат пяти лет по имени Савва, а за ним степенно ходила франкоговорящая негритянка Мери.

Марина родила мальчиков от разных пап и собиралась, кажется, проделать это ещё раз, как она сама говорила. Третьей женщиной в семье была гувернантка Марьяна Базальтовна, как про себя звал её Яша, обычная тётка-учительша, похожая на колобка. И от этого милого семейства тоже хотелось сбежать.

Куда?.. Безысходная ноющая тоска этого неразрешимого вопроса подплывала под желудок и сжимала его. Бежать, чтобы найти *что*? Что-то *совсем другое*. А что? Часто ему казалось, что он родился не в своё время, и эта мысль была тоже очень болезненной. Иногда это чувство так обжигало, что, если бы он был девочкой, то он бы заплакал.

Вдруг Яша перевернулся на спину и открыл глаза. Наверное, и, скорее всего, такая вот прыть побега одолевает каждого в шестнадцать лет, а дальше – кто куда. Половина травится наркотой. Но перспектива стать больным, а потом мёртвым Яшу не привлекала: это был один из самых глупых ходов, который может сделать человек, умно размышлял он с точки зрения тысяч прочитанных в книжках судеб людей разных времён и народов. И опять же наркотики и всё, что с ними связано – это скучно: дать чужому дяде на жир, дать на себе заработать, да ещё и больно, и насмерть. Пошли на фиг. Зависимостей и так в жизни хоть отбавляй. Лучше подумать, как от них избавиться.

Яша повернулся лицом к окну. Сквозь малиновую полосу залитой солнцем занавески просвечивал цветок в горшке на подоконнике. «Чего я хочу? Чего все хотят? Чтобы душа радовалась. Алкашу достаточно бутылки, у мамы Марины – любимая работа, бабуля вообще жизнь любит. А я? Я тоже хочу любить свою жизнь, но разве такую – возможно?»..

Внутри Яши пробежала рябь: все прочитанные в книжках радости не очень привлекали его, если честно, или сулили быть очень кратковременными и тяжело оплаченными страданиями. «И вот ещё что: на фига столько в жизни надо учиться, столько пережить и преодолеть, если вскоре помирать? Всего-то шестьдесят-семьдесят сезонов... Зачем стараться, если «однова живём»? Неясно и опять глупо: приходы жиденские, одни расходы».

Яша опять воткнул нос в шершавый бархат диванной спинки. Эти мысли давно вертелись в голове и сейчас жгли извилины почти физической болью. «Неужели жизнь такая глупая? Бессмысленная?.. Одни канают других, заставляют что-то делать. Одно и то же. И никто не возмущается, а просто одни ходят по приказу других туда, куда приписано кем-то. Вышло, что хорошо в этом мире только Гарри Поттеру, которому было куда сбежать, но это же в книжке, а вот так, реально?»

Если нереально, то Яша, не сходя с места, сбежал бы в один свой сон, который, кстати, повторялся уже несколько лет с незначительными изменениями. Ему снилась незнакомая местность, тропа в горах, обсыпанная по краям шапками ярко – синих цветов, по которой его влёл куда-то дикий интерес. Потом эта картинка сменялась почти пряничной красоты домиком с башенками, полузамком. В окошках весело горел свет, дверь была открыта, и опять что-то страшно тянуло его в этот домик со старинных английских картин. И всё. *Тяга*, которой в этом мире почти не было ни к чему, делала этот кусок сна интересней жизни. Если бы только можно было сбежать в эти места и пройти дальше по тропинке к домику...

И что? Бред. И Яша уснул.

Во сне он увидел костёр. Костерок, разведённый непонятно кем прямо перед подъездом бабушкиного дома. Вокруг никого не было, и Яша присел у огня. И тут из кустов вышла собака.

Присмотревшись, Яша понял, что собачка была странноватой, похожа на игрушку, только крупнее, с пластмассовыми глазами и с одним ухом. В следующий миг он узнал в этой собачке своего Тузика, игрушку из детства, которая давно куда-то пропала на даче, а была подарена Яше в раннем детстве, когда мама ещё была студенткой и жила на скромные средства. Пёс стоил дёшево и сделан был топорно, хотя, морда получилась обаятельной и выражение её словно бы говорило дружески и весело: «тяпнуть?» Или... «бежим»?

От неожиданной мысли Яша встал, а Тузик сел и прокашлялся.

– Так бежим или... – сказал Тузик по-собачьи хрипловато и почесал задней лапой пустое место от уха.

– К-куда, – произнёс Яша, почему-то вычисляя, сон это, или не сон. Разумеется, сон. Собака говорит по-человечьи.

– Отсюда, – ответил пёс из искусственного меха и пошёл в кусты. Яша бросился за ним потому, что почувствовал *тягу*. «Конечно, *отсюда!* Как просто!»

Мельком он бросил взгляд на пламя костерка, и ему показалось, что там, раздутые от оранжевого огня, горят-гудят какие-то книжки...

За кустами оказалось ещё много кустов, очень много, и Яша шёл, раздвигая руками ветки, боясь потерять из виду мелькавшее впереди светлое пятно Тузиковаго зада. «Вот оно, наконец, светлое пятно в моей жизни», – рассмешил себя Яша, и тут кусты кончились небольшой полянкой, примкнувшей к каменному склону горы.

– Туда, – хрипнул Тузик и опять побежал, теперь по тропинке, по сторонам которой пышной пеной росли синие и фиолетовые цветы. Яша испытывал восторг. Почему? А просто!

Теперь тропка влетела в гору, и двое оказались внутри маленькой пещеры, в центре которой опять горел готовый костерок. Яша присел на камень отдышаться, а Тузик полизал лапу.

– Так, – деловито заявил пёс, – я прилягу. Что, Яша?

– Ничего, узнал тебя. – Парень глянул в пламя, – там горели обычные ветки. – Куда путь держим?

– Ты же хотел бежать, вот, убегаем, скоро будем на месте, – Тузик оглянулся в сумерки на отдалённый крик какой-то птицы. – Ещё есть время сегодня...

Яша залился хохотом. Меховой Тузик покосился на него игриво:

– Чего смеёшься?

– Радуюсь, – сознался себе Яша, – прикольно разговаривать... с тобой!

– Ага, – вглядывался Тузик в темноту за пещерой, – обещаю больше не грустить... Вот и утро.

Яша встал с камня и подошёл к краю обрыва у пещеры. Только сейчас он увидел огромное темно-синее небо и проблески голубовато-розового рассвета за дальними горами внизу. И тут внизу в обширной долине под обрывом он увидел...

– Это что такое?

Тузик, казалось, весь трясся от восторга, топтался на месте от нетерпения, то и дело ставя единственное ухо торчком, с нежностью глядя вниз на долину.

– Это? Это, брат, Улиткин Дол. Долина, то есть.

Долина, затянутая нежным утренним туманом, постепенно открывалась взору. Но ничего подобного Яша никогда не мог себе представить. В полукруглой долине, как в объятиях подковы, возвышалась странная гора, похожая на каменный торт, закрученный спиралью. С вершины этой горы, если туда забраться, было бы видно, пожалуй, и то, что есть за окружившими её горами. Эта странная гора-спираль была покрыта деревьями, а вершина – сиреневым облаком.

– Где-то водопад слышу, – прислушиваясь, сказал Яша.

– И-их, радость моя! – подпрыгнул Тузик, – там не один водопад, а семь, и у каждого номер есть. Речка Улитка, Яш, берёт начало на вершине этой горы и по спирали спускается вниз. А? Как тебе?

– Фантастика...

– Здесь, брат, две спирали, – азартно рассказывал Тузик, – одна – вода, а другая – земля, понимать надо. Гора такая, Спираль зовётся. Вон та, соседняя гора – Голова, а эта, откуда мы из пещеры выглядываем сейчас, – Гора Встреч.

Тут (Яша был готов поспорить) у Тузика навернулись на глаза слёзы восторга и он хриловато завыл, вытянув морду в сторону долины с Горой-Спиралью.

Солнце ещё не показалось, но небо уже наполовину стало бледно голубоватым и сиреневым, а у дальних гор золотилось розовым. И в свете этого утра Яша разглядел, что деревья

леса-подковы, окружавшего гору-спираль, были необычно высокими и мощными: в каждом стволе мог бы поместиться газетный ларёк или пара машин.

– Ух ты, вот это лес!..

Тузик поправил важно:

– Смотри не ляпни кому, «лес»... Это не лес, а Крупнолесье. Эльфы его как-то по-своему зовут, я каждый раз забываю.

– Эльфы?.. – Яша думал, что ослышался.

– Не ослышался, – сказал Тузик, вылизывая лапу. – Всё существует, что человек придумал, продолжает придумывать, и даже больше: уже существует то, что он придумает потом. Приёмник не перегорел? Тогда ещё: время не линейно.

Яша стоял как столб под напряжением.

– Мысли материальны, не слыхал? – теперь грязно-бежевый Тузик чесал вылизанной лапой бок. – Чего смотришь? Я не виноват, что у вас науки недоразвитые.

Яша, приняв информацию, стоял на краю пещеры, как на балконе, а сердце, как и вправду говорят, пело тихонько какую-то свою параллельную песню. И тут опять явилась та силища, что тянула его во сне куда-то...

– На всякий случай знай, друг, – сказал Тузик серьёзным голосом, – что это не простая пещера, а Пункт П. Позже поясню. Ты этот Пункт П. прошёл. Можем двигаться в Дол.

Яша с любопытством оглядел потолок пещеры. «Эльфы, пронумерованные водопады, – вот это сон!»

– Мне кажется или я слышу ... хохот?

– Тут ничего не кажется, всё как есть. Чайки хохочут, проснулись. Хорошо тут, вот тебе и смех!

– Пункт П. – это портал, типа?

– Пора, – тихо хрипнул Тузик, и Яша проснулся.

В метро люди едут нормальные, не с силиконовыми оперированными лицами, думал Яша, такие, какие есть, с естественными отёками, шишками, мешками, шрамами, вздуствиями и впадинами. Мужики сидят, так широко расставив ноги, словно просушивают брюки и джинсы. Женщины стоят перед ними с сумками и пакетами.

Яша, выспавшись у бабушки, ехал домой на Коровий Вал, где уже, видимо, волновалась гвернантка Марьяна Базальтовна. Отчество у неё было какое-то другое, давно забытое, невыговариваемое, да и Яша, знавший её с пелёнок, звал просто Марьяной. Ей было за сорок, у неё была своя семья, но она служила дипломатской семье верой и правдой, как родная.

– Яша, – встретила она мальчика дрожащим голосом, – почему мобильник отключил? Мама звонила...

– Я у бабули спал. Бонсуар, Мери, – сказал Яша высокой негритянке в цветных штанах.

– Бонжур, Иша, – ответила шоколадная Мери, ловя на ходу пятилетнего Савву, который пролезал между её ногами по направлению к брату.

– Здорово, Савка, – Яша подтянул за руки брата к себе и забросил его на плечи. – Марьяна, я есть хочу.

Проглотив омлет, Яша накрыл бутерброд с шоколадным маслом изрядным куском сыра. Марьяна поставила на стол дымящуюся чашку с чаем.

– Уроки сделал?

Она обязана по службе за этим следить. Но в последнее время, года два, ей приходится волноваться по этому вопросу и трепетать каждый раз, когда хозяйка, мама Марина, осведомляется о делах старшего сына. Учиться Яша стал хуже. Он перешёл на сплошные четвёрки, и это возмущало его мать всё больше. Скорее всего, она представляла будущее Яши в виде сверкающих ступенек сияющей карьеры блестящего дипломата, а тут четвёрки. Это она ещё

не знала про тройки. Марьяна и Яша скрывали их от неё всеми силами: мама Марина была на втором месяце беременности.

– Остались две задачи по химии, не волнуйся, иди домой, -

сказал Яша, – и Марьяна со вздохом согласия подняла свою обширную попу со стула и понесла её в прихожую. – Я сейчас позвоню маме, – крикнул он вдогонку.

Наконец, Яша закрылся у себя в комнате, хотя сюда доносились вопли Саввы, которого Мери укладывала спать. Мери наняли для того, чтобы она говорила с детьми только по-французски, но Савва сыпал также и по-русски, – со стороны такая смесь слушалась забавно. Отец Саввы приходил к сыну раз в неделю, и они уезжали гулять. Потом вечером Андрей, – так его зовут, – и Марина обычно сидели на кухне и допоздна курили, как два паровоза.

Мама Марина всегда высокомерно и с подозрением обзирает жизнь вокруг. Часто это напоминает равнодушие. Или она просто думает о чём-то ещё.

Отец Яши, кроме Марины, никому неизвестен, даже бабушке. Родители сошлись в МГИМО студентами, Марина сообщила матери о беременности, и родила. Вот и всё. Может, он, Яшин отец, какой-нибудь европеец, и с оформлением брака были проблемы? Марина категорически не желает говорить на эту тему. Она своим пофигистским тоном отвечает на вопрос Яши об отце:

– Яш, ну как у всех.

Значит, она «залетела», а он сбежал, так что ли, у всех? Третья беременность, видимо, будет тоже анонимной по линии патриарха. Но мама Марина никакой информации не даёт, занята своей Африкой.

Яша сидел за столом перед открытым ноутбуком и смотрел на закрытую дверь своей комнаты. Он, не глядя на экран, мог перечислить темы папок и файлов в своих «Документах»: «Тюдоры», «Эпоха барокко во Франции», «Литература 15 века», «Жизнь Рима: от цезаря до гладиатора», «Погребальная культура Египта» и прочие. Среди знакомых ровесников Яши нет ни одного, кого бы подобное интересовало.

« Где бы найти хоть кого, с кем поговорить об интересном? Живут в полной тьме: тьма в прошлом, тьма в будущем. Откуда взяться свету в настоящем? Не душит вечный шопинг? Однообразие башку не давит?».

В школе учительша по истории существует вне настоящего момента: она напрочь не воспринимает учеников, как живые объекты. Она смотрит на них, как бюстик Наполеона смотрит через стекло своей витрины на посетителей музея. Очень заметно и то, что она глубоко прячет: страх перед старшеклассниками.

« Она и прочие учителя, кроме нескольких редких исключений – очень плохие психологи, то есть вообще нулевые, прямо скажем. То есть, плохие специалисты, так? Это им надо сдавать ЕГЭ, а не ученикам. Откуда ученик возьмёт свои знания, если учитель не может учить? И вот простой вопрос: ну почему от большинства взрослых, работающих в школе, тошнит и тянет рвать? Пока эта публика через одного напоминает пациентов психиатра. Весь набор. И этот зоопарк выпускают на них в чём не повинных детишек, незрелых и весёлых. Плюс долбанутая школьная программа: обильная каша из сказочного горшочка. Всё невозможно съесть. А съеденное когда переваривать? А применять в жизни? Вообще, много кушать вредно».

Яша внезапно выпрямился. «А вот этот мой сон, про Дол... Улиткин? Такой реальный, как-будто это я Тузику снился, а не наоборот». Тут руки сами выбрали программу, и Яша стал «рисовать» панцирь улитки, на нём деревья, как и видел он во сне. «Что это там было такое? Какая-то гора с водопадами, крупный лес, пещера...».

Яша рисовал всё это допоздна, отвлекаясь от грустных мыслей о своей реальности в Москве 2011 года. «Что ему хотел показать Тузик? Не успел. Эх, сны...».

Яша потушил лампу и лёг в одежде поверх одеяла. Нет, определённо, жизнь сдвинулась с мёртвой точки. Что-то произошло в глубинах Яшиного существа, пусть неясное и неопределённое, но очевидное.

Появилось основательное *предчувствие*.

Глава 2. Кто кому снится

Если говорить о рае на Земле, то Москва точно не рассматривалась. Очень жаль. «Ровно двести лет назад русские начистили французам по первому классу. Наполеон опозорился, – хотел, наверное, как лучше? Европейские ценности к нам нес? Как и Гитлер? Нормальные манеры? Героическая, старая, такая интересная Москва... до самой революции тут и там кудахтали куры... Потом добавились проспекты...»

Яша вспомнил, как прошлым летом Москву заволокло дымом. Он плотно лёг на мегаполис, а люди шли на работу, кашляли, заболели, умирали от приступов астмы, терпели или уезжали, кто мог. Мамочки с колясками все дни просиживали в огромных торговых центрах, потому что там работали кондиционеры. Кто-то когда-то высушил болота, а теперь они загорелись и задымили область размером с Францию. Люди веками, словно специально издеваются над своей и чужой жизнью!..

Мама Марина в то дымное лето подхватила детей и укрыла их на греческом островке на всё лето. Это место было похоже на рай, только очень жаркий. Но для Яши теперь ничто не могло сравниться с воздухом и красотами Улиткиного Дола.

И вдруг... через пару дней после того сна, Яша приснилось, что он стоит на пороге *той* пещеры! Пункт П. – или как там?..

Крупнолесье торжественно росло по левую руку. Яша тихо охнул, потому что справа открывался захватывающий дух вид на море. Тропка от Пункта П. вилась вдоль склона над морем к спиральной горе-торту. Выскочивший из-за Яши Тузик, восторженно залаял и побежал по тропке вниз в долину. Яша еле поспевал за ним.

- Стой, Туз, я не успеваю за тобой!
- Не надо торопиться, просто беги!
- За собакой не угонишься!

Тузик остановился. Они повалились на траву отдышаться.

- За собаку спасибо! Чувствую себя настоящим псом.

Отсюда, с полянки на склоне, гора Спираль была видна поближе. Теперь весь этот каменный торт был залит солнечным светом, а шум водопадов усилился. В отличие от Москвы, где начавшийся сентябрь успел обдать город холодными дождями и обдуть пронизывающим ветром, здесь царил лето.

– Жаль, что это всё во сне, – сказал мечтательно Яша, – я бы здесь поселился. А что за море? Купаться можно?

Меховой Тузик посмотрел Яше прямо в глаза.

– Сейчас я тебе что-то скажу, а ты хорошенько подумай. Конечно, ты спишь, и видишь это во сне, но... не совсем.

– То есть? – Яша сел отдохнуть и с беззаботной радостью послушать болтовню искусственной собачки. В душе пела песню весёлая надежда, что тут, в мире сна, наверное, нет преград и ограничений, как там...

– Ну... Поскольку я твой Проводник, то я должен тебе кое-что объяснить, – по-собачьи бормотал пёс скороговоркой. – Короче, попал ты, брат, в Пятый Мир, ты сам сюда рвался, и, в общем, это то, чего ты искал.

Тузик смотрел прямо Яше в глаза. Сейчас Яша слушал внимательно.

- А, ну, здорово, конечно, э-э, Пятый Мир.
- Это не сон, – не мигая, произнёс пёс из искусственного меха.
- Стоп, я что...

– Нет, в данный момент ты жив-здоров, спишь дома на своей постели поверх одеяла. Но, видишь ли, много вам вдали про ваше сознание, а оно, брат, вполне многомерно, и во сне вы это... более свободны как бы, – заключил Тузик, произведя лапой дуговой жест.

Яша посмотрел за спину пса из своего детства. Там синело реальное небо, солнце грело дальние горы, и воздух был настоящим, чистым и тёплым.

– Ну ладно, Туз, я где-то определённо нахожусь, мне тут нравится, потому что не надо идти в школу, но... если это не сон, как ты говоришь, мне интересно, как я сюда попал? – спросил Яша, и Тузик засмеялся.

– Мне с тобой легко, – и пёс стал кататься по траве. Потом он сел, выдохнул счастливо и продолжал. – Ты сюда попал потому, что произнёс ключевые парольные слова «пора бежать отсюда», то есть сознательно, искренне и спокойно отказался от Сонных чар Доски.

– Какой доски?

– Ваш мир, где у вас высота, ширина, длина и линейное время, – называется Четвёртым, но для Пятого мира он плоский, и мы зовём его Доской. С уважением, – Тузик понюхал кустик.

– Ничего не понял. А где мама?

– Здравьете, тебе сколько лет? «Мама»... Мама твоя на Доске, в городе Москве, сейчас выходит из машины. Закуривает, кстати.

– А я...

– Проснёшься, не волнуйся, вовремя, – зевнул Тузик и свернулся калачиком.

– Эй, ты что, спать собрался? – недоумевал Яша. – Ты мне ещё не на все вопросы ответил!

– Нет, брат, спать я тут не буду, а что касается твоего желания сбежать, то я тебе сто раз говорил, что *всё исполняется*...

– Когда это ты мне говорил?

– Я тебе снился с двенадцати лет, четыре года подряд.

– Чем я занимался? Адаптировал тебя... и ждал. Выгуливал тут на склоне.

– Ничего такого не помню, – Яша начал чувствовать что-то новое, и ему захотелось спрашивать.

– Правильно, на период адаптации мы стираем воспоминание о сне. И всё-таки ты меня вспомнил, а?

– А вы – это кто такие?

– Проводники. Мы тут разные, но всегда те, кому вы можете довериться и поверить, – Тузик почему-то огляделся.

– А мы – кто? – не понял Яша, но ему нравилось всё больше и больше своё собственное любопытство. Оно казалось предвестником свободы.

– Вы? Ну, разные люди... Кого Доска достала, те начали тут появляться, в Пятом, обнаружили себя, так сказать, в новых обстоятельствах. Раньше, такое было невозможно, а теперь вот звёзды сошлись – есть возможность и большая причина... И такие же, как ты, ребята с Доски есть. Любопытные. – Тут настроение Тузика переменялось, он встал на все лапы и заговорил серьёзно и взволнованно, глядя прямо Яше в глаза. – Слушай, раньше было одно, а вот теперь *время пришло*, понимаешь? Об этом знают многие, очень многие, люди, звери, птицы и другие... Кстати, тебе не приходило в голову, что если человек истребил какое-то животное, и оно исчезло с Доски, то оно не может исчезнуть совсем, потому что не человек его создал и не ему его уничтожить совсем?..

– Круто. А где же эти животные?

– Здесь, они здесь живут дальше и развиваются по своим законам...

– Здесь что, рай?

– Нет, брат, сказано тебе – Пятый Мир. На Доске у вас процентов десять сознания работает, а тут вот – остальные проценты. Не думай, что тут нету тьмы, но тут её не называют злом и она тут им не является... Это у вас там на Доске всё на два делится: полюса, ночь-день,

соль-сахар, хорошо-плохо. Попроще, для десятипроцентных-то. Тут же всё делится на три, как минимум... Впрочем, это не мой предмет, это попозже, – Тузик опять огляделся, потом придвинул пластмассовый нос к носу Яши и добавил тише. – Я могу тебе обещать, друг, что здесь у тебя будет много вопросов и, если захочешь, ты *на все* получишь ответы. На все.

Тут Тузик отодвинулся, чтобы оценить эффект произведённый последней фразой. Яша на минуту задумался. Вдруг он понял, что чувствует свои руки-ноги так же, как и «там, в Москве», и реально дышит! Такое озарение словно прорвало плотину воздуха в груди, и виски стали горячими. Мальчик серьёзно посмотрел на пса. Теперь он казался Яше не игрушкой и не чудом, а кем-то очень реальным и близким, с самого детства. Привычка сбрасывать пафос и даже страхи, которыми обвешивали его родные и общество, взяла верх над моментом истины. Яша улыбнулся хитро и широко – во все зубы:

– Ты понимаешь, что сказал, Туз? Ответы на все вопросы?

– На все, друг. Пригнись!

В этот момент в воздухе над их головами раздался какой-то шум-свист, пронеслась большая тень, и что-то громко шлёпнулось за их спинами.

– Ракетчики, сосиска собачья, – ругаясь, поднялся Тузик.

Яша тоже разогнулся и обернулся назад: в траве лежала большая, размером с блюдо, свежая лепёшка навоза бледно-зелёного цвета. Она источала пар и запах прокисших яблок.

– Осторожно, она очень горячая, – предупредил Тузик.

– А я её есть не собираюсь, – заверил друга Яша. – Что это было?

– Птички такие, наполовину ящерики, – обыденно заявил Тузик. – Пошли в другое место.

У них тут гнёзда недалеко, вот и волнуются.

Они стали спускаться по тропке дальше.

– Их называют *аэрокросами*, они, если угодно, – часть местной тьмы, но, как видишь, нам удалось найти им применение, помогают, так сказать, в добром деле... Хи-хик! Хотя, сами, кажется, этого не подозревают, у них мозг с вишенку, а сами-то ого... размером с антилопу, – весело болтал Тузик, скача по тропке.

– А чем они помогли нам? Тем, что не попали? – Яша оглядывал небо в надежде увидеть аэрокросов, и ему тоже стало весело и *просто*, как в детстве.

– Нет, они подсказали, что кроме нас двоих есть кто-то ещё. Это же Тропа Встречи. Встречаем мы вас тут с Доски прибывших...

Тузик резко остановился, Яша затормозил кроссовками по земле, не удержался и плюхнулся на траву пятой точкой. Тузик принюхивался.

– Идут оттуда, – через минуту сообщил он, и тут из кустов со стороны огромных деревьев Крупнолесья вышла на Тропу большая белая собака, – настоящая, в отличие от Тузика.

– Привет, дорогая, – с нежным уважением поздоровался с ней искусственный пёс, та в ответ по-матерински лизнула его в нос.

И вдруг вслед за белой собакой на поляну из кустов вышел подросток с ёжиком сероватых волос, в дешёвых джинсах и футболке с оранжевыми буквами. При взгляде на Яшу взгляд его стал жёстким, как у волка.

– Дара, иди ко мне, – сказал он неуверенно своей собаке.

– Вот те на, – сказал Яша. Он узнал парня. – Это ты мне в глаз дал?

– Ага, пяток дней назад, на Остоженке, – ответил тот, смягчив взгляд.

– Нам пора, – произнесла приятным человеческим голосом Дара.

– Слышь, – сказал Тузик Яше, – не забудь позвонить Барсуку.

Яша проснулся. Он лежал поверх одеяла у себя в комнате, и, судя по всему, была уже ночь. Встал и тихо вышел в коридор. На кухне горел свет. Яша приоткрыл дверь: Марина стояла у плиты к нему спиной и варила кофе. В детской негритянка Мери, воркуя на французский

манер, уговаривала Савву лечь в кровать. Часы в прихожей часы показывали начало одиннадцатого. «Странно, – подумал Яша, – прошла пара минут? Или вообще – ноль...».

В зеркале ванной комнаты на него смотрело его лицо с синяком под глазом. Глаза мамыны, карие, и рот как у мамы, слишком красивый для парня, хотя, сойдёт. Волосы собраны в короткий хвост под затылком, нос – чисто картошка, это от бабули. А вот брови – идиотские, как по линейке.

Тот парень с серым ёжиком на голове получил от Яши на Остоженке поддых за то, что дал Яше в глаз. Ни за что: драка была короткая и по пустякам, просто кто-то кого-то сразу не понял. А парня он запомнил по футболке, на ней было написано оранжевыми буквами «Иди», да по паре небольших, но глубоких шрамов на щеке. Надо же, приснился.

После первого посещения Дола два дня подряд снилась какая-то муть. Теперь вот вторая серия: «позвони Барсуку». И что это вообще было? Ведь сон *продолжился*.

Брови линейкой опустились ниже как по команде. Яша открыл кран, заткнул пробку, и в треугольную ванную понесся весёлый поток тёплой воды. «Почему вода весело живёт, по-настоящему, птички, кошки всякие, собаки, а мы, люди, словно серая слизь вечного уныния и мыкания по горестям?». Яша выдавил на зубную щётку горошину пасты и принялся за дело.

«Эх, надо браться за ум, как говорит умная бабушка, и не заваливать химию. С химией дело не идёт, а скажи об этом Марине, она наймёт репетитора, а дело не в репетиторе, а в том, что всё это делать Яша не хотел. Просто не мог из-за возмущения: программа по химии в школе заводила в такие дебри, что терялся смысл жизни вообще. А силы, время и нервов всё это отвапиривало каждый раз всё больше и больше, словно невидимый монстр жадно пил их из несчастных подростков. После окончания школы «монстр» отвалится, нажравшись молодых сил, а ты пойдёшь по жизни и без помощи этого груза информации. А сколько двоечников и троечников сейчас гении искусства и литературы? И где их калории, убитые химией, тригонометрией, а главное – где те украденные часы жизни? Научили бы лучше любви к себе, умению отыскать свой талант и развить его. Было бы счастье.»

Начистив зубы до блеска, Яша, сбросив трусы, залез в глубокий мир итальянской сантехники. Вода обняла парня, как родная.

«Да и только ли школьная химия «сбесилась»? А математика? Пушкин стал собою, возможно, немало потому, что не решал такого уравнения, что на полторы страницы, и ежедневно. Давали бы их тем ботанам, кто хочет, а остальным – время на самоопределение... Или это слишком? А почему тогда школьник чувствует себя в школе так, словно в тюрьме срок мотает? И за такую нагрузку, и за девятичасовой рабочий день, должны платить зарплату и школьнику!.. И на кого тогда я работаю бесплатно, интересно? На себя? Мне такие дебри ни к чему, а понадобятся – почитаю, послушаю лекции Масачусетского универа, сейчас можно купить видеозаписи лекций из разных университетов мира, и читают их лучшие профессора планеты. Нет, вот, какой-то чёрт установил нормативы «приличного уровня образования» и все скачут без сознания... нет, пока всё остаётся, как в старых добрых сказках: министры обязательно корыстолюбивые и глупые. Как можно разным индивидуальностям давать одинаковую программу? Завышенную? С перебором? Левополушарную? Исходный продукт – неграмотное население. При том, что талантов в народе – море...»

В элитной школе, куда Яша ходил по маминому выбору, всё точно напоминало колонию строгого режима.

«Мрак. Что, государства, заинтересованного просто в нормальных гражданах, нету? В Америке ещё хуже дела обстоят.»

После занятий, Яша обычно брёл по парку. За ним шагал нанятый мамой Мариной телохранитель-амбал Толик, а Мери и Савву обычно пас Юрик, амбал номер два. После парка Толик ждал Яшу в машине. Слава Богу, этим дежурство Толика ограничивалось.

В парке били фонтаны, стояли чьи-то бюсты, демонстрировались фотовыставки. Но душа почему-то вопила, что всё это – город-столица, вся эта жизнь мегаполиса, какая-то плоская, тухлая, унылая, ограниченная! Оживляют её, пожалуй, только клубы чем-то увлечённых людей или отдельные творческие личности. Но многих тупой пессимизм или наркота втянули в серую массу толпы. Хомо сапиенс...

На всякий случай Яша как-то заглянул к бабушке и прилёг на диване, но спать не получилось, хоть тресни. Яша лежал на бархатном диванчике и смотрел на картинку на стене. Это была старинная гравюра, изображавшая какое-то сказочное существо, похоже на грифона – льва с орлиной головой и крыльями. Или наоборот, – орла с львиными ногами?

Зачем человек столько выдумывает? И зачем люди стремятся во что-нибудь верить? Тоска опять вползала в душу. Разве что приятный сон про Тузика из Пятого мира ...

В метро напротив Яши сидели две девушки и в упор смотрели на него. Одна была обсыпана пирсингом, как прыщами, у другой губы густо намазаны фиолетовым, вместо глаз торчали пучки накрашенных ресниц, маечка-коротышка увеличивала агрессивно крупный бюст.

«Зверюшки на охоте. Жуть. Зачем они всё выставили? Так сильно хотят любви? Целовать такой чёрный рот страшно. А второй рот с железными пуговицами – нереально. Эх!» Яша закрыл глаза и попытался представить себе девушку, которая бы ему понравилась, но не получилось.

На следующей остановке в вагон вошёл бомж и сел напротив Яши, рядом с девицами. Те быстро поднялись и отошли в сторону. Яша заметил, что разницы между этими девушками и бомжем не так много: одинаковая степень неприятности. Бомж сидел, опустив голову, не глядя ни на кого.

Яша прикрыл глаза и вспомнил свою бывшую подружку Нику, с которой он целовался, и она ещё много чего позволяла, но не до конца. Это была, конечно, плотская история, – так, со знанием дела, определял её Яша, прочитавший сотню романов в книжках. Это был пока весь его реальный опыт в этом вопросе.

Теперь бомж уставился на Яшу и вдруг пересел к нему на освободившееся место, продолжая пристально его изучать. Яше надоело.

– Чего уставился?

Бомж улыбнулся, показывая довольно приличные зубы.

– А у тебя на лбу написано «позвони Барсуку».

Яша широко раскрыл глаза и сразу не нашёл, что сказать.

– И что? – наконец произнёс он.

– Барсук – это я.

Глава 3. Барсук

Они вышли из метро на мокрый асфальт – моросил дождь.

– Так я не понял, я должен тебе звонить, а ты сам нашёл меня... а... как? – интересовался Яша у незнакомца, который уже не казался ему неприятным.

Наоборот, в Барсуке чувствовались обаяние и ум, казалось, что он, скорее, был кем-то, переодетым бомжом.

– Про это попозже. Я есть хочу, купишь мне пару-тройку пирожков? Видишь ли, я только с поезда... Кошелёк кто-то спёр. Я потом тебе деньги отдам.

Мама Марина регулярно снабжала Яшу карманными деньгами. Суммы были неплохими, потому что мама знала: Яша не курит и не томится по спиртному, а покупает книжки, или какую-нибудь ерунду для мобильного или компьютера.

– В приличное кафе тебя не пустят. А, вон закусочная с самообслуживанием, – сказал Яша и странная парочка вошла в тёплый зал с парами жареных котлет.

Яша заказал Барсуку тарелку плова, пару котлет, салат из помидор, сладкий чай и компот – всё, что тот попросил. Барсук ел неторопливо и со вкусом, а Яша рассматривал его с интересом и радостью. Барсук тоже поглядывал на Яшу с благодарностью и одобрением.

– Москва, Москва, как мало в этом слове осталось нам от пушкинской Москвы, как много в ней кретинского ненужного простора и магазинной тесной пустоты, – Барсук активно жевал.

– Слушай, Барсук, прости за вопрос, конечно, – Яша тоже принёс себе тарелку плова, – но я заметил, что ты... как бы сказать... бомж, да?

Барсук улыбнулся вопросу, но пропустил его мимо. Он ткнул помидор вилкой и задал свой вопрос:

– А ты по Долу не скучаешь, Иаков?

Яша смутился. Во-первых, так ещё никто не называл его, а во-вторых, ему на миг показалось, что этот незнакомец давно знает его. В-третьих... «Нет, про Дол, наверное, слышалось. У него же полный рот еды. Стоп, Тузик же назвал его, Барсука...»

Яша молчал. В голове звенели и бились мячами стаи мыслей и чувств. Барсук отхлебнул чай и покряхтел от удовольствия.

– А где ты живёшь? – задал Яша один из вопросов, прыгавших у него в голове.

– А, – отмахнулся от себя бродяга, а Яша вдруг заметил, что его новый знакомый только с первого раза кажется грязным. Да, обвислые джинсы и старые ботинки хорошо заляпаны грязью, свитер, правда, грязный, словно им вытирали все ходы диггеров под городом, волосы с проседью стоят торчком от пыли. А вот лицо оказалось как бы прокопчённым солнцем, но не грязным. Просто у него был сильный, почти кирпичного цвета, загар и пятидневная щетина. Словом, вся грязь на Барсуке не переходила границу мерзости окончательного падения. – В столице я устроен, работаю. Летом я, бывает, брожу на югах, по Крыму в горах и у моря... – улыбнулся Барсук, поглаживая грязный свитер. – Только-только оттуда. У меня тут дела, я же *пожарник Пятого мира*. И электрик здесь, в Четвёртом.

Последнее заявление побудило Яшу к прорыву целого пакета вопросов:

– То есть? – так, горя глазами, выразил он их все и Барсук, похоже, все их считал.

– Улиткин Дол готовит специалистов для Доски, – начал

ликбез бомж. – Конечно, по их собственному жаркому желанию. Есть ещё *переносчики, перевозчики, маяки*, и другие там... Да, готовят специалистов во сне, что тут такого? Самое надёжное. Некоторых, к примеру, переносчиков, обучают во сне в Доле, просыпаются они тут – не помнят ничего. Они знают, что на Доске всё позабудут, но своё дело они здесь делают.

– А что они переносят, о чём помнить нельзя? – спросил Яша.

– Что переносят, куда, для чего, узнаешь потом, – плов исчезал с тарелки, как иллюзия. – Вот что, брат, скажу тебе. Должен же каждый человек, наконец, себя обнаружить, как ты считаешь? Э-э, ну, войти в своё полное сознание. Да?

Яша понял: все – не в сознании.

– Не совсем в сознании, – подхватил мысль Барсук и обвёл вилкой посетителей кафе. – У народа на Доске включено процентов десять, в лучшем случае.

– А так – три?

– Есть и три. Нет, ты понял – всего десять! – Барсук ел салат, но взглядом бурил. – Стоит ли помогать человечеству?

Яша вдруг прыснул. Выходило, что Доска с обитателями была вроде больнички для хворых мышей, которым помогают юннаты. Он опять забыл, что мысли его – неужели все? – считаются.

– Так вот в Пятом мире, – продолжал Барсук, пододвигая тарелку с салатом, – сознание почти полное. И наша задача сделать так, чтобы и на Доске это произошло. Это не производ, это эволюция. И ее достоин каждый.

– Нереально, – сказал Яша, заметив, как один из посетителей запрокидывает бутылку пива, вытирается рукавом и беззвучно произносит словцо, которое использует на все случаи жизни.

– Реально, – вернул внимание Барсук. – Но тогда Доски не будет.

– Не понял?

– Она будет тоже меняться, – успокоил Барсук, – вместе с переменной сознания, это же логично и процесс обычный. К примеру, последние лет сто: за эту долю секунды человечество сделало планету непригодной для жизни. Почему?

– Я понял, почему, – сказал Яша, отметив про себя, как аккуратно Барсук ест салат. Марьяна привела бы его манеры братьям Трубачовым в пример. – Дальше-то что? Спасайся, кто может, дальше.

Яша выпрямился и сосредоточился.

– То есть? А кто не может?

– Вопрос поставлен неверно, – спокойно ел Барсук. – *Кто не хочет.* Компот не годится.

Тут яшина мысль сделала скачок.

– А я зачем в Дол попал?

– Правильно, попал ты туда, потому что таков был твой выбор, – салфеткой вытирал щетину Барсук. – В Доле, брат, тебе расскажут, что да как, нарисуют в воздухе и прочее. Ты узришь наяву, что твоё сознание – огромно, а на Доске – только часть его. И то, большое, принимает решения. А чтобы вам быть заодно, надо прийти в сознание на Доске. Коту ясно. Спасибо!

Последнее слово было благодарностью за ужин, но Яша думал.

– А дальше?

– Дальше, ты, видать, принял решение на высшем уровне, что будешь вроде меня, планету спасать со всеми обитателями от них самих.

– Как в японском мультике, – бормотнул Яша, почувствовав, что воздуха ему не хватает.

– На самом деле, спасается только тот, кто выбрал спастись, потом позабыл про это, а мы все помогаем ему вспомнить. Такая петрушка. Пошли, у меня теперь голод кислородный, – они поднялись и вышли. На улице Барсук, потягиваясь, заявил: – Сама планета просит нормальной жизни, да и я хочу, брат, чтобы окружал меня чистый воздух и люди, а не зомби и угар бензина. В связи с этим, Яша, грядут большие перемены, и политика тут ни причём. Есть кое-что *над* политикой и всеми общественными институтами, кое-что помощнее. Как солнце против софита. И скоро это грянет.

Яша давно заметил, что бомж изъясняется, как образованный человек, но сейчас были важны другие факты.

– Так раз оно такое хорошее и мощное, пусть всё и сделает, а мы тут причём? Мы разве можем? – страшно заинтересованно спросил Яша.

– Самое интересное, – отвечал Барсук, довольный вопросом, – в Пятом мире ты чётко поймёшь, что очень даже можешь. Ты видел, там, в Улиткином Доле, всё распрекрасно с тобой? Так возьми оттуда и перенеси сюда. Кто за тебя твои дела будет улучшать?

Перенеси... я что – большой волшебник? – азартно срезонировал Яша.

– Именно, – таинственно и весело заявил Барсук. – Только вся эта карусель, – он мотнул головой опять в сторону магазинов и потоков машин, – набрехала тебе, что ты – ничто, а ты и поверил. Кстати, заметил, тут вообще не принято вопросами задаваться? И счастья никак не почувствуешь здесь, потому что это невозможно, пока сам не свой до конца. Крутят тут людьми все, кто ни попадя, качают силы и законно принадлежащее тебе время, заталдычивая тебе на каждом углу, что ты – маленькое «я», что от тебя ничего не зависит, и существуешь ты для поддержания не тобой установленных правил. А ты на самом деле, как и любой другой, – большое, очень большое «Я», и никому ты ничем не обязан, Яков. А особенно ты не обязан строить и укреплять такое вот спятившее общество.

Как раз в этот момент проходящий мимо человек плюнул матом в свой мобильник. Барсук, однако, был доволен своей речью, как нахулиганивший пацан.

– Есть в Доле хитрые предметы, и очень мудрые учителя, они

тебя всему и научат, – Барсук и Яша тихо двинулись против потока пешеходов.

– Так Улиткин Дол – это школа?.. – отпрянул Яша, и в душе замаячила тень уныния.

– А чего? Это не то, что ты подумал. Дол – это мечта каждого, а учителя там, мальчик, такие... И потом, ты всегда имеешь право выбора, запомни. Не хочешь, не ходи в Дол.

– Стой, так всё-таки... это не сон мне снился, что ли? – Яша остановился, придержав Барсука за рукав мятой джинсовой куртки.

Мимо них полз сверкающий фарами поток автомобилей, люди обтекали скульптурную группу «юноша держит бомжа за рукав», обмахивая её обрывками обычных разговоров, и всё было обыденным, привычным, кроме невидимого шара, внутри которого стояли мужчина и мальчик, державший его за локоть. Их взгляды, направленные друг на друга, сотворяли этот невидимый шар пространства совершенно другого свойства, нежели воздух вокруг.

– А ты не трусишь, часом? – Барсук сверлил Яшину душу усными глазами.

Эта другая реальность окружала теперь Яшу своей яркой, хоть и невидимой, новизной, которая очень бодрила.

– Знаешь, ты ни о чём не беспокойся, просто живи, ладно? Всё встанет на свои места.

– Я просто... не знаю, смогу ли я попасть туда опять, как-нибудь..? – спросил Яша тихо, а Барсук расхохотался.

– Хочешь, как я, *пожарником* стать? – он подтолкнул Яшу слегка, и они опять двинулись по многолюдному потоку.

– Барсук, растолкуй мне про свою работу, – Яша приготовился всю ночь проболтать об этом, шатаясь по городу, но Барсук сказал:

– Слушай, а почему бы тебе не перейти в обычную школу? Я знаю тут одну недалеко, там в десятом «А» неплохая классная руководительша, моя знакомая...

Барсука прервал чей-то вопль. Прямо перед ними стояла Марьяна Базальтовна, она глядела во все глаза на Барсука, и вид у неё был, будто её окатили водой.

– Яша!.. – задохнулась она; остальные слова были здесь же, но стояли перед открытым ртом Марьяны таким огромным комком, что не поместились в него, хотя он и был открыт.

– Марьян, познакомься, это Барсук, мой... друг, – это был для Яши момент определения статуса нового знакомого. И он сделал это уверенно. – Ты не волнуйся, мы тут на бульваре

на лавочке посидим, а потом я домой приду. Всё нормально, не беспокойся, – бросил Яша онемевшей гувернантке, увлекая нового друга в подземный переход.

– Нет, в Доле классно и интересно по-настоящему, скоро узнаешь сам. *Сам*, запомни, это очень важно. Большое «Я» всё делает самостоятельно, без допингов, ниток, привязанных к рукам, кнотов и фальшивых пряников, – хлопая по спине Яшу, говорил Барсук на лавке в бульварном скверике.

– Большое «Я»? – Яша на миг представил себя великаном. – А кто это?

– Я тебе уже говорил за салатом. Большое «Я» – это *весь* ты, а не только твои ноги-руки, и тушка... с десятью процентами.

– Да? – протянул Яша, ничего не понимая. – А что я ещё? Вот то большое сознание, что ли, что ты сказал?

– Давай ты всё в Доле узнаешь, по порядку, а? – ёрзал по лавочке Барсук, словно хотел сбежать.

Мимо них шли-гуляли молодые люди, девушки, сыпали без надобности матом, гогоча и стучая пустые банки из-под питья об асфальт, и Яша остро ощутил присутствие себя в зоопарке, внутри вольера с дикими фантастическими мутантами, повадки которых, кроме неприятного недоумения, ничего более не вызывали.

А рядом сидел приятный, премудрый и высокодуховный бомж, стать другом которого больше всего теперь хотелось дипломатскому сыночку.

– Барсук, а где ты тут живёшь? – спросил Яша.

– Я пристроен, не волнуйся. Эх, Иакоб, я тебя ещё с Лапкой познакомлю, – тут наших много, в Москве. А сейчас тебе пора.

– А...

– Я тебя найду, малыш, – изменив голос на хриплый мультяшный, сказал Барсук, встал и пошёл. По дороге он подобрал весь мусор, до последнего окурочка, из-под потерявшей дар речи молодёжной пубрики, выбросил его в урну, и скрылся в подземном переходе.

Оставшийся вечер засиял красками. «Доска, марионетки, перевозчики, маяки, Большое «Я», наконец... Сколько вопросов! Надо во всём этом разобраться. Не желаю быть марионеткой без сознания. Жизнь – моя». Яша вбежал в подъезд, потом в казённую квартиру с восемью комнатами с джакузи и двустворчатым холодильником, мимо Марьяны Базальтовны – в свою комнату, и на диван.

Если сидеть на диване, то перед Яшей, как друзья и слуги, на полках стеллажа рядами стоят сотни книг. А в них – те герои и личности истории, которым ежедневно завидовал со всей тоской мальчик шестнадцати лет. Сколько раз ловил он себя на желании перенестись в другие времена, с другим, живым и вкусным воздухом, с дуэлями и опасностями, с картинами на стенах, свечами повсюду, дикими лесами, расшитыми камзолами и сказочными женщинами в пышных юбках, цветах и жемчугах!.. Какая свобода должно быть в груди, когда ты спешишь кого-то спасти или спастись, прыгаешь в лодку, или вскакиваешь на коня, и, крепко обхватив его горячие бока ногами, скачешь куда-то до рассвета с ледяными ушами.

Марьяна оборвала мысли, открыв дверь:

– Яша, мама пришла и зовёт тебя. А я ушла.

В глазах у мамы Марины стоял вопрос, потому что Марьяна уже поделилась своим вечерним кошмаром: Яша и бомж. Но мама Марина почему-то спокойно сказала:

– Яш, я нашла классного репетитора по английскому. На два месяца ускоренно. Мы, возможно, пару лет поживём в Швейцарии.

Швейцария? Яша всегда хотел оказаться поближе к историческим декорациям своих мечтаний, но сейчас сказал:

– Я не поеду.

– Яш, а где твои друзья, где Паша Ермаков, почему он не заходит к нам? – Жесть в голосе Марины нарастала, обнажая страх, который мама Марина прятала за спокойствием.

– Мам, мои друзья – книги, а Паша... сейчас с девушкой встречается, – сходу соврал Яша, вспомнив, что Паша Ермаков, сын маминых знакомых, интересуется только супер-новыми и самыми дорогими телефонами, и самыми «классными» порно-фильмами. Маниакально.

Дальше мама Марина прочла лекцию об опасности оказаться без образования в третьесортной жизни навсегда и безвозвратно, где самое страшное – это сами люди третьего сорта, убогость, серость и нищета.

А Яша решил провести эксперимент и представить себя в этот момент где-нибудь веке в семнадцатом, во времена мушкетёров. И неожиданно *легко* он вдруг ощутил себя в просторной зале с высокими окнами, стоящим на плиточном полу «в шахматку» в широких чёрных башмаках с пряжками... Мягкий порыв ветра из сада, глядевшего в высокие окна, принёс радостное осознание себя одновременно в двух местах. Яша улыбнулся, вспомнив и ужин с Барсуком.

– Яш, ну что смешного?

Мамин голос прогнал семнадцатый век и перенёс Яшу в тошнотворно модную дипломатскую квартиру.

– Мам, я всё понял, ты не волнуйся. Я пошёл, мне надо к контрольной готовиться, – Яша обнял мать и направился к себе. С недавних пор он заметил, что Марина всеми силами скрывает, – объятия сына ей почему-то неприятны.

– Ладно, хорошо, я тогда Толика тебе вызову на полный день... и буду спокойна.

Яша развернулся.

– Зачем нам Толик? Целый день отравляться его харей? – растерялся Яша, – Мам, не позорь меня, я же...

– У всех у вас в классе есть телохранители, ничего позорного, – отрезала Марина, вставая с намерением закончить разговор. – Репетитор придёт через пару дней.

Яша развалился на своём диванчике в мрачном настроении. Репетитор, телохранитель... Мама Марина выдвинула тяжёлую артиллерию. «Значит, теперь Барсук не сможет ко мне подойти? Слава Богу, в Долину амбал не пролезет.»

В эту ночь Яша не попал в Улиткин Дол, хотя и очень хотел. Вместо этого ему приснился странный сон, очень «реальный», как и его путешествие в Дол.

Яше привиделась Венеция, та самая, на воде. Словно бы идёт он по одной из улочек, рядом плещется вода, а стены домов – облупленные, разноцветные, и звуки – открывающееся окно, чьи-то голоса, плеск воды, – как в комнате. Вдруг он видит, как *по воде* к нему идёт мужчина средних лет с небольшой каштановой бородой, очень длинными вьющимися волосами и в длинной библейской одежде цвета абрикоса. Похож на персонажей с картин Микеланджело... Мужчина протягивает Яше руку, приглашая ступить на воду, и Яша подчиняется, словно это происходит каждый день. Они переходят канал *по воде* на другую сторону улицы, входят в какую-то дверь, и незнакомец, поднявшись по лестнице, приводит Яшу в красиво обставленные апартаменты, с тяжёлыми шторами на окнах, позолоченной мебелью, расписным кабинетным роялем, стеклянными ширмами, с вырезанными на стекле пейзажами. Повсюду на столах и столиках, комодах стоят в вазах пышные букеты.

«Обитель какой-то королевы, или... богатого мецената», – думает Яша, а незнакомец показывает ему ещё одну комнату, скорее всего, кабинет, – здесь удобный стол и стул, шкафы с множеством старинных книг, настоящих, тяжёлых, в переплётах из красивых тканей или кожи. Особенно Яше понравилась одна, лежавшая на столе отдельно от других: она была небольшой, в синей обложке с какими-то звёздными хороводами. Яша дивится, а незнакомец мысленно говорит ему, что он может тут оставаться и жить, после чего незнакомец выходит из апартаментов и Яша слышит: его запирают на ключ.

Яша не чувствует испуга, просто ему всё странно и... приятно. Он обходит всё ещё раз и видит, что двери открыты. Он выходит опять на улицу и просыпается.

В его комнату уже пробралось утро, а в голову – первая мысль. «Надо поискать в Интернете книжку про осознанные сновидения». Стоп, а не эта ли книжка с хороводом звёздочек лежала на столе в венецианских апартаментах?

Ну, бывает, сразу после сна всякое покажется.

Глава 4. Дом Красной Герани

Собираясь утром в школу, Яша засмеялся, вспомнив, что в том первом костерке, когда он встретил Тузика, горели школьные учебники.

В престижной школе дела его шли всё хуже и хуже. Яша давно чувствовал, что они ухудшаются безнадежно, но самое интересное, ему не хотелось «стараться», как говорила Марьяна. Ему вообще хотелось бы уйти отсюда, куда глаза глядят, или хотя бы в простую школу, как сказал Барсук. Хотя, там, наверное, будут свои проблемы.

А какие проблемы в этой, в престижной? Спокойными словами не выразишь, душу тошнит. Мама Марина придёт в ужас, узнав про множество троек, наверное, в первый раз изменит своему спокойствию, – интересно было бы посмотреть. Но... Ей предстоит рожать, а тут старший сын резко снижает планку...

Эх, как же тяжело соответствовать чьим-то представлениям о себе! Прицепились, навалились и требуют, дают! А кому-нибудь интересно, чего Яша сам хочет? Или он чья-то собственность? Скажут, что ему не время хотеть выбирать путь самостоятельно. Интересно, что скажет Барсук по поводу свободы выбора?

Барсук словно бы услышал этот призыв о помощи и неожиданно встретил Яшу после занятий. Он сидел прямо около будки охранника на корточках. Яша обрадовался, горло перехватило. Но самое удивительное было рядом: Толик-амбал стоял поодаль и говорил по мобильнику, не глядя на Яшу.

– Не волнуйся, он так и будет занят, пока мы не поболтаем, – весело сказал Барсук, подмигивая. Они присели на лавочку. Барсук сказал про школу:

– Да, школа сия, культурная ровно настолько, насколько полагает окружающее заторможенное общество. До настоящей культуры здесь далече. На яблочко.

– А почему, скажи? – спросил Яша, подпрыгивая от удовольствия услышать отповедь школе, и впился в яблоко.

– Программа истерически усложняется, а общая грамотность падает, это нормально? А нормально сначала про секс рассказать, когда человек ещё про любовь не слышал?

Яшина юная шея быстро покраснела, но он спросил:

– Ты о чём?

– Я о препарировании русского языка в первом классе, – веско хрустнул яблоком Барсук. – Начинают с разборов звуков и букв по мелким косточкам, по чертежам и сухим схемам, а читать и радоваться чтению малыши ещё не успели толком научиться.

– Ошибаешься, – вставил Яша. – Теперь первоклассник обязан приходить в первый класс уже научившись читать и писать.

– Вот и я про безумие, – согласился Барсук. – И потом: даже по данным Доски тут перебор предметов. В Европе изучают около восьми предметов, а вас травят двадцатью. После такой нагрузки не хочется уже быть самим собою, да и вряд ли получится.

– Согласен, а почему?

– Так тебя за одиннадцать лет уже обработают, обточат так, что ты уже не самородок, а один из миллионов таких же одинаковых кирпичиков.

– Ну да, а зачем?

– А ты представь общество из самородков. Все законы придётся переделывать. А власть денег как же? Я имею в виду не сами деньги, а тех, кто тут с помощью них устроил все порядки.

– Ух ты, так мы что, все под контролем? – весело спросил Яша, словно бы продолжалась любимая игра.

– А то! На всю планету растянута некая матрица. Всё чётко определено, кто, что, сколько и о чём должен говорить и думать. Какие бы свободы ни объявляли. Не только в нашей стране – везде.

– Типа тайное правительство?

– Эти тоже под контролем.

– Кто же это такой могущественный? – спросил Яша.

– Не кто, а что. Матрица. Скоро узнаешь поподробнее... Любопытный!

– А её кто на планету натянул? Ну кто, скажи?!

Барсук потянулся так, что хрустнули суставы.

– Вот тебе хороший завет, друг: никогда ни в чём не ищи виноватых. А что если такая матрица – творение всех людей?

– Это мне не сообразить... пока, – Яша увидел, как амбал Толик вперил взгляд в асфальт и, вроде, думает. – Ну, подожди... а гении?

– А вот эти как раз остались самими собою, самородками, – Барсук доел своё яблоко, пошёл выбрасывать огрызок и опять стал поднимать пивные банки около урны.

Тут они увидели, как амбал Толик сонно чистит нос, забыв про обязанности. Яша расхохотался.

– Слушай, Барсук, а в Улиткин Дол можно попасть, когда я захочу? Или...

– А так оно и происходит, – заверил тот, не сводя прищуренного глаза с Толика. – Практикуйся. Да, деньги за мой ужин – у тебя в правом кармане.

– А...

– И не зевай. Повнимательнее.

Дома его встретила Марьяна Базальтовна и начала взволнованно задавать какие-то вопросы, провожая ими Яшу до его комнаты. У самой двери Яша обернулся и спросил:

– А вы не знаете, почему меня дома обычно мама не встречает?

Марьяна онемела, а Яша скрылся у себя в комнате.

– Сосиска собачья, – услышал Яша пароль своего сердца на сегодня, и радость взвилась в нём, как праздничный флаг.

– Туз, привет, а что, тут опять утро? – спросил Яша старого друга, оглядывая Улиткин Дол, залитый солнцем, с той самой полянки, где они встретили парня с ёжиком волос на голове и его собаку.

– Утро? Не только утро, но и тот же самый момент, с которого ты отлучался, – деловито сказал Тузик, направляясь вниз по тропе.

– А... те где? Пацан с белой собакой?

– Они пошли вперёд. За мной!.. – рванул Тузик со склона, а Яша за ним.

– Слушай, Туз, извини, – спросил он, когда они остановились отдышаться, – а почему мой Проводник здесь, в Пятом мире, именно ты?

Тузик смешно покосился на Яшу.

– А ты кого хотел встретить? Крылатого серафима? Не обделался бы? – тихо спросил пёска, и Яша покатился со смеху. – Вот так, дружок, гигиены ради, я и выхожу первым. И потом, для такого тонкого дела, как встреча тут, нужен кто-то очень хорошо знакомый, чтобы сходу довериться. У каждого здесь свои Проводники, заметил?

И Тузик кивнул в сторону двух фигурок – мальчика и белой собаки, бежавших по склону далеко впереди.

– Бежим, Туз! – Яша сорвался с места.

Когда они добежали до реки, то Яша увидел, что Арка – это галерея-мостик, вырезанная из камня. Своды над головой напоминали красиво переплетённые каменные ветви деревьев с листьями и цветами. Тузик присел на травку, отдуваясь.

– Ну вот, это Арка Сознания. Она тут с самого начала, древняя, короче... Я провожу тебя до твоего Дома, а потом побегу по своим делам. А дальше...

– Моего дома?..

– Э-э, забыл, заболтался. Тут, в общем, 24 Дома по числу Рун в руническом алфавите древних, этих... и названия у Домов такие же, в каждом Доме живут 12 учеников... Что ещё? А, да, в Доме всем заправляет куратор, учитель, и зовут их всех, учителей, так же как и Руну каждого, конкретного Домика, не спутаешь. В одном из них находится твоя комната. Вот.

– Стоп, Туз. Что такое Руны, я читал, но забыл.

Тузик остановился и присел.

– Руны – это такие буквы-значки, алфавит древний, северных народов и славян тоже. Они вместо букв служили, писали их на камнях, домах, вышивали там на платках, рисовали на щитах... Да ты видел их сто раз в разных книжках!

– Вспомнил! Каждый значок что-то обозначает. Но Туз, я... не помню названий Рун, – растерянно пробормотал Яша.

– Никто сначала тут ничего не знает, не беспокойся, заботливо сказал Тузик, – постепенно всё запомнишь. Главное, расслабься: за этой Аркой тебя ожидает новая жизнь, которая тебе и во сне не приснится. Пойдём!

И когда они вошли под своды Арки, сразу же усилился звук шагов и даже дыхания. Яша услышал удары собственного сердца. Когда он миновал Арку, он осознал, что там, под Аркой, макушка головы его открывалась, продувалась и чем-то приятным наполнялась, словно раскрытый бутон цветка – солнцем. А теперь Яша стоял, как бы проснувшись.

– Что, балдеешь? – хихикнул Тузик.

– Потрясающе.

– Приятно на следующей ступени сознания? Это только начало, браток. Ну, теперь вверх по Спирали давай, по дорожке!

Дорога от Арки вверх на Гору сделала поворот за кустами, повела через поляну с полукругом огромных дубов, потом свернула несколько раз то влево, то вправо, перевела через мостик над небольшим водопадом, и наконец, по ступенькам узкой каменной лестницы вывела к красивой ограде из кованного железа. Завитки ограды напоминали кельтские узлы, она была невысокой и окружала сад, раскинувший цветущие ветви кустов и деревьев.

– Вот так, мы почти на вершину влезли... Слушай дальше, – Тузик присел отдышаться на травку перед калиткой. – Твоего куратора зовут Сол, это имя одной из Рун, и... ты меня слышишь?

– Туз, я боюсь э-э, проснуться, – сказал Яша, глядя в сторону открытой калитки, хотя страха никакого не было.

– Да ты не спишь, по большому счёту! – протявжал Тузик, – ой, забыл сказать про оленька... Тут в каждом доме есть домашнее животное, в твоём – оленёк Сиро. Не бойся, он маленького роста, но взрослый. Давай! – и Тузик скрылся.

«Интересно, куда мой Тузик торопится? – подумал Яша, – На совет директоров Проводников?» И прошёл в калитку. Тут же он увидел Сиро: это был словно бы карликовый олень, – в холке ниже колена, как среднего роста собака, – с аккуратными рожками и умными фиолетовыми глазами-сливками. Сиро стоял на вымощенной камнем тропинке и молчал. Он так и не заговорил, как Тузик, по-человечески, а просто развернулся и поцокал к Дому, приглашающе обернувшись на ходу. Яше даже показалось, что маленький олень улыбнулся.

Дом... Это был тот самый, из давнего сна! Он и вправду оказался подобием английских загородных вилл, полузамком из серого кирпича, высокой крышей, покрытой глиняной черепицей и целым караулом кирпичных труб. Слева от входа располагалось крыло с прямоугольной башней, взлетающей над крышей, справа же, чуть поодаль, стояло необыкновенное дерево – ствол его был зелёным и что-то напоминал. Догадавшись, Яша удивлённо поднял голову: это

был ствол цветка, гигантской герани, ростом с трёхсотлетний дуб, к тому же, герань цвела – на самом верху слегка покачивался на ветру огромный зонтик соцветия с красными цветками, каждый размером, наверное, с поднос.

«Реально вижу дом из сна детства и сейчас в него войду. А что?»

На обширном каменном крыльце дома стоял человек. На нём было что-то вроде длинного платья тёмно красного цвета, подпоясанного широким поясом с зелёными и красными драгоценными камнями. Лицо было длинным, с длинным носом, расширенным книзу, чёткими дугами бровей, тёмные волосы до плеч, – взгляд приветливый и глубоко проникающий.

– Здравствуй, Яков. Я – Сол. Проходи, добро пожаловать, – сказал он с улыбкой и, положив Яше на плечо ладонь, повлёк его в Дом. Рыжий оленёк, что сначала стоял и смотрел на них обоих снизу вверх, теперь поцокал за ними внутрь дома.

Яше в нос сразу же бросился нежный аромат, – это благоухали два букета красных гвоздик, поставленных справа и слева возле лестниц, покрытых ковровыми дорожками. А прямо, куда Сол увлекал обомлевшего Яшу, находился зал, широкий вход в который украшал подобраный полукругами тяжёлый занавес, расшитый солнцами, с бахромой и кистями.

– Проходи, мой мальчик, это гостиная, – сказал Сол, указывая Яше на зелёное бархатное кресло возле огромного камина, и сам присел в другое.

– Спасибо, – онемело проговорил Яша, оглядывая небольшую залу.

Здесь были картины в тяжёлых рамах, на плитах пола – толстый ковёр, а невысокий квадратный столик на пухлых ногах представлял собою шахматную доску, выложенную чёрными агатами и белыми опалами. Всё было роскошно и просто, каждый предмет – явно мастерской работы – на своём месте и к месту. Оленёк Сиро прошёл между ними, прилёг на коврик у камина, изящно подогнув хрупкие ножки, и уставился на Яшу. Было очевидно, что он понимает разговор.

Вдруг Яша заметил каменный барельеф над камином – он изображал знак молнии. «Господи, как у Поттера на лбу», – удивился он и заметил весёлые искры в глазах Сола.

– Обратил внимание? Это знак Руны Сол, Руны этого Дома.

– Я хочу спросить...

Сол улыбнулся. Яша вспомнил, где он видел персонажей, похожих на этого человека в длинном платье – средневековый король с картинки.

– Если бы ты знал, как радуемся мы тут вашим вопросам, – сказал он, будто Яшин товарищ и ровесник. – Ведь это значит, что ты не спишь, в сознании. Иначе Арка бы тебя задержала. Спрашивай.

– А тут есть и другие ... ученики? – это был не тот вопрос, который он хотел задать.

– Сознание – удивительная вещь, это инструмент, с помощью которого можно стать волшебником, и даже необходимо, – отвечал Сол на незаданный вопрос. – Когда ты засыпаешь, то переключаешь сознание. Большинство попадает в некий Пункт П., где происходит тестирование. И тогда одни идут переживать свои сны, а другие – сюда. Пункт так и называется – Пограничный. На вид это обычная пещера, ты там был с Проводником, – продолжал Сол, поглаживая Сиро между рожками. – Ты прошёл сюда... несколько лет назад.

– Несколько лет назад... в Дол?

– Ну да, на поляны перед Аркой. Играл со своим пёсиком, потом вы гуляли по дорожкам и даже в Крупнолесье...

– А почему ... я не помню? – Яше стало досадно, но лицо Сола посерьёзнело.

– Видишь ли, если бы ты запоминал сны тогда, когда тебе было десять-двенадцать лет, то не смог бы продолжать обычную жизнь там, на Доске.

– Доска... А зачем там жить? Там неисправимая скукота, – Яша не знал, как выразить Солу всё, что он знает и чувствует, не переходя на резкости.

Сол выдержал минуту молчания. В это время что-то происходило в воздухе. Яша посмотрел прямо в глаза средневековому королю.

– Скукотища там *исправимая*, – чётко сказал Сол. – Четвёртый мир или Доска – это тоже состояние сознания. В незапамятные времена было предложено провести там Великий Эксперимент.

– Эксперимент – звучит не очень, – признался Яша.

– Хорошо! – засмеялся бывший король французов. – Внедрена программа – так лучше? Задача программы – погрузиться в хаос и... успешно выйти из него.

– Насчёт «выйти» – не просчитались? – прямая линия яшиных бровей насмешила Сола.

– Сейчас пришло время Эксперимент завершить: привести всё на Доске в равновесие, сбалансировать, наладить естественные Законы нормальной жизни, кое-что изменить ... в *своём* сознании.

– В своём?! А у остальных... – Яша чуть не сказал «придурков».

– У остальных «придурков» тоже всё наладится, автоматически, по цепной реакции, но только после вас. Простой закон физики. У вас почему-то не догадываются, что эти законы распространяются и на мысли, и на чувства людей. Соответственно, на поведение, поступки.

– Ясно, – произнёс Яша, – кто-то должен быть первым, как ледокол?

Сол немного подался к Яше, сближая их носы – свой кабачок и Яшину картофелину.

– Именно. Пойдём.

Яша последовал за Солом в скрытый драпировкой дверной проём. Он заметил, что на тяжёлой ткани тёмно голубого цвета, закрывавшей проход, было выткано целое стадо оленьков среди деревьев.

– Да, к сожалению, оленьки были полностью истреблены в Европе в средние века, – читая мысли Яши не хуже Тузика, сказал Сол. – Но, к счастью, существует Пятый мир, – сюда переселяются все живые существа, которых истребляет Доска.

Сол говорил, и они поднимались по каменной винтовой лестнице, пока не оказались в коридоре, где как в гостинице по обеим сторонам располагались двери.

– Двенадцать дверей, для каждого из вас – своя комната.

– Ага, – рассеянно откликнулся Яков и заметил на двери изображение грифона.

Собственно, это была та же самая картинка, которая висела у бабушки Клавдии Михайловны в рамочке над диваном! Только тут грифон выступал барельефом, вырезанный из дерева и окружённый квадратом из медных клёпок с ажурным рисунком.

– Входи, это *твоя* комната, ты же видишь, – сказал Сол, указав взглядом на грифона, и Яша вошёл.

Комната была небольшой и уютной, с ковром на полу, старинным письменным столом, резным стулом с мягким сиденьем, в углу стояла этажерка с какими-то фигурками, на каменном подоконнике – ваза с красными гвоздиками. А на стене в раме от потолка до пола висело зеркало, как сначала показалось Яше.

– Нет, это не зеркало, – сказал Сол и Яша признался себе, что перестал удивляться, что тут читают мысли. – Это экран и он будет показывать тебе то, что может понадобиться, и что будет тебе интересно.

Тут Яша заметил в углу узкую дверь. Она была плотно закрыта.

– Эту дверь ты обязательно откроешь, но в своё время, – пояснил Сол.

– А что там? – любопытство победило все другие чувства, отпихнув их, вытолкав и разбросав во все стороны. Сол улыбнулся, и Яша почувствовал, что этот незнакомый человек уже стал ему очень близок и дорог, – проснувшись в Москве, он будет скучать по нему.

– Там тоже – твой внутренний мир, который ты создаёшь ежечасно своими мыслями и делами. Берегись, там много неожиданного, но ... это у всех так, – прибавил Сол лукаво. – Там

– территория, которая очень хорошо знает, что тебе нужно. А дверь эта называется Аметистовой Дверью. Она есть в каждой комнате.

Дверь Яшиного мира совсем не была сделана из аметиста, она была простой деревянной, как и другие двери, даже не фиолетового цвета, как аметист, даже немного пыльной, как показалось ему. Только в центре её, на уровне глаз был вставлен большой прозрачный камень с огранкой. Он был неясного тёмноватого цвета и тоже покрыт пылью. «Видимо, я давно не в себе, раз тут пыль», – подумал Яша.

– А что это за вещи? Чьи они? – спросил Яша о предметах на этажерке.

– Это *твои* вещи, – сказал Сол, внимательно глядя внутрь Яши. – Когда-то в разные эпохи, когда ты являлся жить на Доску, они принадлежали тебе. Теперь... они будут помогать тебе вспоминать себя. Некоторые были потеряны тобой в прошлых жизнях, но, как видишь, ничто не исчезает бесследно. Ты потом рассмотришь их. Пойдём.

Глава 5. Новые друзья и карусели

«Я – являлся? – обдумывал последние слова Яша. – То есть, про реинкарнации – правда? И терял чего-то...»

Сол куда-то отлучился, а Яша спустился вниз. В Каминной комнате находилось несколько ребят, и Яша тут же заметил того парня с ёжиком серых волос на голове. Тот подошёл к Яше сразу, и с несколько скрываемым напряжением протянул ему ладонь:

– Сергей, Серый, короче, – сказал он, одёргивая майку с оранжевыми буквами. – Тут не все из Москвы, – и он повернулся к остальным ребятам, которые подошли к ним.

– Эльвира, – игриво представилась красивая девушка, откинув назад тёмные длинные ухоженные волосы. Она смело рассматривала Яшу, подняв брови.

Яша подумал, что сходу дал бы ей роль Шемаханской царицы, если бы снимал кино.

– Михаил, – крепко пожал ему руку по-деревенски невысокий, широкоплечий парень с оттопыренными ушами. – Я из Сибири, из села Короткого.

– Он – гений, – сказал худенький паренёк в очках, – просто он скромный.

– Понятно, он – Михайло Ломоносов, ясное дело, – засмеялась ещё одна девушка. Волосы её были, так же как и у Яши, стянуты в хвост, только цвет у них был почти белый. Она обратила к «гению» смелый взгляд своих светлых глаз. – Меня зовут Женя. Между прочим, Миша младше меня на четыре года, ему только пятнадцать, да?

– Зато он одиннадцатый класс заканчивает... на Доске, – рассказывал опять очкарик, заправляя за уши крупные вьющиеся пряди волос. Секунду молчания он смутился, потому что все смотрели на него, и он представился:

– А я... меня... Пётр... Я родился в Феодосии, у самого синего моря.

– Петя у нас – итальянец, да? – театрально приобняла Эля шемаханскими руками ещё больше смутившегося паренёка. Но Петя осторожно высвободился, неторопливо снял очки и держал их обеими руками.

– То есть, мои дед и бабка были итальянцами, по фамилии Сантини. Поселились в Крыму давно, после войны ещё...

В это время в комнату из сада вошли ещё трое.

– Вот ещё народ, – сказал Серый. – Мы тут знакомимся, идите сюда, девушки!

Подошли две девушки, держась за руки, и за ними – стриженный «под горшок» паренёк в свитерке ручной вязки.

– А тут не только девушки, – сказала Эля игриво и обратилась к новому парнишке, чем совершенно вогнала его в краску, – как тебя зовут?

– Меня зовут Глеб, – ответил тот как на уроке.

– А мы тут по всей форме... Кто, откуда и куда, – сказал Серый усмехнувшись.

– Мне семнадцать лет, – начал вроде доклада свою речь парень, – я живу в Карелии с мамой, папой и двумя сёстрами. Мы живём на хуторе одни, у нас есть корова, четыре козы...

Тут все засмеялись, а светлоглазая Женя обняла Глеба за узкие плечи.

– Молодец, из наших, – сказала она. – Я из рыбацкой семьи, с Сахалина, мы вечно чешуёй обсыпаны – и ничего!

– А мы обе – из Астрахани, – сказали почти хором две девушки, что подошли вместе с Глебом. Они были совсем разные. Одна, та, что представилась Джамилёй, была черноволосая и полноватая, «с формами взрослой тётки», как про себя отметил Яша. Другая девушка была маленькой, с запуганными глазами и большим ртом, который почти всё время был растянут в улыбке:

– Оля, – сказала она и пригладила маленькой ладошкой свои волосы, словно лаком зали-
занные в жидкий хвостик.

– А давайте пересчитаемся, – предложила Женя, – нас же тут должно быть тринадцать.

– Двенадцать, – поправил её «Ломоносов» Михаил. – Сейчас троих не хватает.

– Так они в саду, – махнула рукой пышногрудая Джамия, – там парень и две девушки ещё.

– Всего шесть девушек и шесть парней, – словно закончил отчёт гениальный Миша с большими ушами.

– Пошли в сад, поглядим на остальных? – предложил Серый Яше.

– А вдруг придёт Сол? – оглянулся на двери за занавеской Яша.

– Позовут, тут же олень крутой всё контролирует. Кстати, как он тебе? Ну, Сол?

В саду на траве сидела троица и что-то рассматривала на земле.

– Привет, ребята! – крикнул им Серый. – А что тут у вас?

В траве медленно ползало какое-то странное насекомое, довольно крупное, с ладонь, голубовато-зелёное, похожее на ожившую перчатку с мохнатой шеей и мохнатыми ножками.

– Фу, не по мне это зрелище, – сказал парень, поднимаясь с земли и отряхиваясь. – О, господи, пришли посмотреть на предка зимних шапок? Насекомое исчезло с Земли миллион лет тому назад, как сказали прелестные девушки.

Парни обменялись рукопожатием.

– Антон, прописан и живу в Питере.

Его волосы были почти совсем сбриты, а черты лица очень красивые, они напоминали лицо статуи Давида, работы Микеланджело. Он подал руку одной из девушек.

– Меня зовут Маха, – сказала поднявшаяся с травы девочка. У неё были две косы за спиной и большие, немного кошачьи глаза.

– А что это за имя у тебя? – поинтересовался Серый. Яша тоже хотел задать такой вопрос, но почувствовал, что почему-то не может.

– Имя Маша, но только я – Маха, так меня родители с детства зовут, – сказала девушка твёрдо. Потом она кивнула на подругу, – та передвинулась по траве за насекомым уже на метр, – а её зовут Раса.

В гостиной горел огонь в камине. Двенадцать ребят вместе с Солом сидели вокруг шахматного стола.

– Ну, с прибытием вас всех в Пятый мир, друзья, в полном, так сказать, сознании – сказал Сол, улыбаясь, и оглядев ребят, поставил перед собой ладони.

Тут же в середине стола из ниоткуда появился розоватый светящийся шарик. Он парил в десяти сантиметрах над поверхностью плоскости, подрумянив розовым цветом все белые квадратики шахматной поверхности столика, а в чёрных, агатовых, он зажёл свои маленькие отражения. Ребята ахнули.

– Как это? – забыв про застенчивость, произнёс потрясённый Глеб из далёкого карельского хуторка.

– Законы четырёхмерной физики действуют только в четырёхмерном пространстве. В других измерениях действует дальнейшая физика, – рассказывал Сол. – Итак, в нашей Вселен-

ной под названием Альфа и Омега, пока есть 13 измерений, которые взаимопроникают друг в друга. Четвёртое измерение более... плотное, чем Пятое. На Доске, как вы знаете, в Четвёртом измерении, сознание человека как бы приторможено, но это не навсегда...

– Так задача в том, чтобы начать просыпаться... в трудных условиях? Среди хаоса? – спросила Женя.

– Да и так было заповедано с древних времён, – подхватил куратор, – но ведь и семя прорастает в полной тьме, под землёй, и росток стремится увидеть солнце. Пока что на Доске ...

– ... у народа работает пять-семь процентов, – авторитетно заявил бритый Антон. В следующую секунду он смутился, что прервал учителя и добавил, – Мне тут одна девушка сказала...

Все засмеялись, а Сол продолжил:

– Да, но это пока. Ведь на Доске, или в вашей обычной земной жизни, сейчас происходит переход сознания человечества из Четвёртого измерения, чтобы затем перейти в Пятое. Что ещё... да, знак моей руны Совелу означает Целостность и её номер последний, двадцать четвёртый.

Тут Сол посмотрел на Петю Сантини, и все повернулись тоже, – Петя держал поднятой ладошку, но под общим вниманием ладошку убрал. Учитель улыбнулся одобрительно, кивнул и Петя спросил:

– Скажите, а это правда, что в одной из жизней вы были Людовиком Святым?

Девочки из Астрахани ойкнули. Сол коротко засмеялся сначала, но ответил серьёзным тоном:

– Все ваши преподаватели здесь – были и есть люди, прожившие и проживающие на Доске человеческие жизни. Среди них есть и известные вам в прошлом исторические лица. Если вы попросите, они, возможно, откроют вам свои былые маски.

– Нам Проводники обещали, что тут тайн не будет! – воскликнул Антон.

– У меня более важный вопрос, можно? Сколько времени мы проведём здесь? – спросила Джамия деловито. Она не заметила, что с этого момента стала объектом постоянных, внимательных взглядов украдкой: застенчивый Глеб осторожно любовался ею, как любовался дома на природу своего края.

– Вы можете провести здесь вечность, если пожелаете, на Доске пройдут минуты, – ответил на вопрос Сол, и все радостно вздохнули, потому что этот вопрос волновал всех.

– Учитель, скажите, а записывать мы что-нибудь будем? – обмирая от смущения, ярко покраснев, спросила соседка Джамии Олечка. «Отличница», – отметил про себя Яша.

– Нет, дети, – при этих словах многие сели прямо, а Яша оторопел. «Дети. Вон даже у Михайлы золотые усы пробиваются, и, кажется, даже борода, а я бы дорого дал, чтобы поцеловать эту Маху не по-детски».

Сол продолжал:

– В Доле, от вас требуется только *внимание*. Да, ты права, дорогая, я забыл про учебники: у каждого они в комнате есть. Их всего шесть. Это вам хорошо бы почитать. – Яше показалось, что куратор мельком надавил на него взглядом. Сол встал. – А теперь, прошу за мной.

Сол, а за ним остальные во главе с Сиро, вышли из Каминной комнаты и поднялись по одной из двух лестниц, покрытых коврами, на галерею и в конце концов, оказались на балконе большого круглого зала. Пол внизу осветился, – это опять была шахматная Доска. Сол остановился.

– Посмотрите вниз, – сказал он ребячливо, – Доска у нас теперь как на ладони! Мой предмет – Доскознание. Смотрите!

Тут Сол неожиданно резко взмахнул руками, и на шахматном полу внизу в нескольких местах сразу стали закручиваться маленькие серые вихри. Они постепенно росли и вскоре

превратились во вращающиеся, сияющие разноцветными огоньками карусели, точь-в-точь из городского парка.

– Как красиво! – воскликнула Женя.

– Именно, – серьёзно произнёс Сол. – Потому что это ловушки.

В этот момент стало хорошо видно, как внутри веселого вихря каруселей в обратную сторону вертится тёмная воронка, уходящая вглубь.

– Вы видите, что эти милые разноцветные Карусели скрывают вихрь-воронку, которая выкачивает из своих жертв энергию. Карусели заманивают вас, предлагая различные блага или развлечения, а вот избавиться от их власти над вами, потом бывает очень трудно. Они делают всё, чтобы прикинуться, что они не ловушки.

– А что это у нас там, эти Карусели? – деловито спросил Михайло из Крутого села.

– Ты прав, сейчас мы видим энергетические воронки, но они встроены в общественные институты, в разные проекты, в идеологии. Они обязательно присутствуют в различных системах: образовании, политике, торговле, медицине, даже в искусстве, в религии, СМИ, шоу-бизнесе и прочих, более мелких.

– Да, с шоу-бизнесом не поборешься, – сказал Антон и грянул общий хохот.

– А их кто-то создал? – спросила Джамиля, на что Михайло-Ломоносов усмехнулся со знанием дела:

– Планета находится под господством кучки Элиты, не слыхала, что ли? Весь мир знает, – сказал он, обводя всех загадочным взглядом.

Все дружно повернули головы с вопросом к учителю. Сол, улыбался глазами.

– Про элиту – дезинформация этой самой «элиты». Так нескромно кто-то желает себя именовать. Так или иначе, все люди создатели, участники, игроки и ...

– ... жертвы, так? – быстро мыслил Михайло.

– Так Эксперимент сами люди и придумали? – недоумённо спросила Женя.

Сол хитровато прищурился.

– Есть такая штука – объединённое сознание человечества. Оно и автор, и участник этой беспрецедентной программы... Эта система, запущенная лет пять-шесть тысяч тому назад, ныне сдаёт свои позиции. Хоть и неохотно. Об этом – на следующем занятии.

– Запущенная кем, не понял? – настойчиво прозвучал вопрос Глеба.

– Вот занудные какие у нас студенты, да? – взмахнула руками Эля.

Но Сол воскликнул:

– Нет! Молодцы! Любознательность!..

Маха выпалила:

– Закрутилась в воронки энергия человеческих мыслей!

– Простите, а религия... какая? – спросила полная Джамиля, а подружка толкнула её в бок.

– Я имел в виду церковные институты всех религий. Я разграничил бы для прояснения вопроса три понятия: Бог, религия и церковь. И далее будем честны, церкви – не дело рук Бога, а людей. Сначала это были жрецы, которые – хорошие или плохие – были олицетворением власти, а вот вам и первый признак ловушки вашей энергии – некто объявляет себя умнее вас, берёт право руководить вами – вот вам и вихрь, он закручивается, собирает энергию подпадающих под эту власть, питается ею. Вы, доверчиво купившись на его доводы, становитесь донором его дела. Позже, для укрепления своей власти над вами, жрецы использовали конкретных личностей – святых, – и делали из них кумиров, расхваливали их на всех углах, поносили других идолов, словом, делали всё, чтобы собрать как можно больше народу под своё знамя. Это всё – церковь. Религия – это духовная история и культура, мировоззрение.

– Точно! – воскликнул Антон. – Вот вы сказали о сотворении кумиров. Так раскручивают «звёзд» эстрады, чтобы билетки и диски раскупали.

– Но ведь есть и классные музыканты, мирового уровня! И они тоже кумиры, – резонно возразила Эльвира, махнув на него шемаханскими ресницами.

Сол смотрел на них с таким умилением, что Яшу сценка насмешила.

– Разумеется, это общий закон и для чёрных и для белых квадратиков, – резюмировал Сол. – Для всех. *Все* имеют право создавать Карусели.

Воцарилась тишина. «Вот тебе и здрасьте», – мелькнуло у Яши.

– Давайте для ясности всё-таки поделим карусели на плохие и хорошие, – предложила Женя.

Но всё перекрыл звонкий голос Махи:

– Нет! В основе всего – спираль! Энергия движется по спирали! Вспомните, как выглядит Галактика – спираль! И Вселенная тоже? – немного растерянно перевела она взгляд на учителя.

– Стоп, правильно, плохая карусель вертится *по кругу*, типа застой, – авторитетно заявил сибирский гений Михайло, – а *по спирали* – хорошая? Спираль же – это движение в развитии, нормальное движение.

Сол был очень доволен. Он опустил поднятые руки и произнёс:

– Друзья! Оленёк сообщает, что в саду вас ждёт чай!

Все, наконец, заметили Сиро, стоявшего в дверном проёме и переминавшегося с ножки на ножку.

– Разговор-то не окончен, – бормотнул Михайло, вместе с остальными выходя из Дома Красной Герани.

«Чай в саду – это то, что надо!» – обрадовался Яша.

На лужайке перед домом откуда-то взялся овальный стол, заставленный хрустальными стаканами с горячим чаем, вазочками с мёдом, печеньем и яблоками. Ребята налетели на угощение.

– А я не очень уяснил, в чём цель плохих Каруселей, – запихивая в рот печенье, произнёс Антон.

– В ловушку тебя заманить, отвлечь от твоего собственного пути! – наставляла Джамия, загребая варенье маленькой ложечкой.

– Думается мне, – притворился студентом учитель, – что цель особо злостных Каруселей в том, чтобы сохранять на Доске без-сознание, отвлечь от самосознания, от связи с Творцом, – продолжил учитель. – Они отвлекают людей от их индивидуального пути развития. Они вольно или невольно – скрывают от людей свободу их выбора, а также истинные знания Мира, которые принадлежат всем.

– А выгода им какая, навар? – пытал Антон. – Энергия?

– Если энергия есть, значит, это кому-нибудь нужно? – хитро прищурилась Эля.

Сол захохотал, взмахнув рукавами:

– Правильно мыслите, товарищи!

– Одни люди делают деньги, материальные блага, как объект Четвёртого мира, другие – властвуют, повелевают, и прибирают эту продукцию себе, – размышлял Михайло.

– Да ну, пусть себе крутятся и катают глупцов! – ляпнул Серый.

– Ты не понимаешь? – набросилась на него Женя. – Карусели захватили власть над людьми без сознания!

– Что же делать? – оглядывался Петя на остальных. – Надо что-то делать, иначе, я уже не смогу жить спокойно, надо бороться...

– Это говорит эмоция страха, – улыбнулся перепалке Сол, – а страх и запугивание – сильнейший магический инструмент ловушек.

«Опять улыбка. Не то, что наши училки!» – заметил Яша.

– А как не попадаться? – спросил кто-то.

– Есть два метода: создавать свою Карусель, творческую, и второй метод – не бояться кататься на чужих.

Все резко перестали дышать.

– Чего? – не понял Глеб.

– Чего-чего, – кинулась объяснять Эльвира, – ходи в свою школу на Доске, какая там у тебя есть, потом институт, например, но сознания не теряй, и стремись настоящие знания получать. Да?

Последнее слово было обращено к куратору. Сол опять улыбался, как отец всех детей.

– Да, милая. Вы должны всегда знать, что *никто не имеет прав навязывать вам истину*. Нет таких полномочий в мире Бога ни у кого и ни у чего. Бог прежде всего и Сам не навязывается. Вы где-нибудь видите его власть?.. Только любовь и заботу! Истина просто окружает вас и наполняет всё Бытие.

– Значит, вы не отрицаете Бога? – с напряжением спросила Джамиля.

– Исток Всего Сущего? – Сол шутливо притворился глухим, приложив ладонь к уху. – Нет. Но поподробнее Бога вы изучите с другим преподавателем.

Смех зазвенел и под сводом класса, когда все стали двигаться к раскрывшимся дверям на выход, где их уже встречал Сиро.

– Да-с, в больничку только по резкой необходимости – зуб там, нога, – но не подсаживайся на таблетки и страхи, – просвещал девочек Антон насчёт ловушек земной медицины.

– А как телек? Совсем не смотреть? – искала ответа Джамиля.

– Слушай новости, но с другой точки зрения, – сказала Маха, – и вообще смотри, что хочешь, главное, не увлекайся, сознания не теряй.

– У Ломоносова вообще телека не было, потому он и развивался быстрее, – под грохот общего хохота говорил Михайло.

– Учитель, а я хочу научиться вырубать Карусели, это возможно? – обратился к Солу Петя.

– Конечно, если пожелаешь бороться с мельницами. Кто-то уже, кажется, пытался, – все опять засмеялись, но Сол продолжил мысль. – Есть на Доске должности – пожарники Пятого мира – они хорошо умеют это делать, но не буквально и там, где необходим баланс энергий. Давайте так: сначала вы получите знания, а потом сделаете выбор самостоятельно и осознанно, – сказал Сол. – Прежде чем что-либо разрушать, походи и получи побольше информации. Это как доспехи надеть перед поединком. Или же отказаться от него. Вариантов много.

Петя подумал, но кивать не стал.

Глава 6. Беркана

Яша уже давно заметил, что обычные деревья, кусты, цветы в Пятом мире видятся необычными. Он присмотрелся и понял: каждый листик, словно вымыт от пыли и светится. Это касалось и самоощущения – всегда на подъёме, душа поёт, спать не хочется, сил и времени – сколько хочешь, а главное, как говорит бабушка, голова светлая.

После первого занятия ребята вышли в сад, где на газоне нашлись лёгкие прозрачные мячи для игры. Антон захватил сразу два, показал ловкий фокус и сказал:

– У нас в театре-студии учат актёрскому мастерству, сцен-движению, сцен-речи и прочие дела.

Яша заметил, что Серый беспомощно стоит за спиной Расы, не решаясь или не зная, как с ней общаться. Тут Антон прицелился, и мяч мягко стукнул Петю по плечу. Антон прокомментировал:

– Аэрокрос!

Все засмеялись, Петя громче всех. А Раса неожиданно повернулась и обнаружила у себя за спиной совсем растерявшегося Серого. Она улыбнулась ему и опять стала смотреть на полёты мяча. Тогда Серый пошёл в атаку, как бы запросто-спокойно, засунув руки в карманы, обратился к Расе:

– Мне моя Проводница сказала, что аэрокросы не могут летать над нашей горой-Спиралью, – она для их сознания не существует.

– Вот и славно, – змеёй проскользнула между ними Эльвира и заботливо сняла какого-то невидимого жучка с ёжика волос Серого, ослепительно улыбнувшись при предьявлении жука-призрака. – У тебя жук. А кто знает, какие предметы мы будем ещё изучать?

– Говорят, компьютер, – сказал Глеб дрогнувшим голосом, – ни разу в жизни он ещё не видел компьютер, потому что жил с рождения в глуши среди озер.

– Как – и тут? – Антон бросил сразу два мяча в ствол дерева. – Я и на Доске терпеть это не могу.

– Кабан!..

Все бросились врассыпную, кроме Расы. Она стояла, не дрогнув, и по виду даже не боялась кабана, который словно из-под земли вышел на поляну. Животное приблизилось к Расе, и Серый сорвался с места, бросившись спасать девочку, но кабан, к всеобщему удивлению, внезапно сел у ног Расы и зевнул. Тут же к нему вприпрыжку из кустов выскочил оленёк Сиро и стал с восторгом скакать вокруг сидящего кабана, пока из дома на поляну не вышел Сол.

– Познакомьтесь, за вами пришёл Брюншель, кабан из дома Руны Берканы. Прошу любить и жаловать. Брюншель – коллега Сиро, если можно так выразиться. Он поведёт вас на другое занятие. После я прошу каждого вернуться в свою комнату для отдыха.

– Почитать Бормочущие Учебники, – назидательно пропела белобрысая Женя.

Ребята пошли за Брюншелем, который, деловито задрав хвостик с кисточкой, довольно быстро, смешно подскакивая, двигался по дороге из камней. Дорога изогнулась за поворотом, неожиданно превратившись в каменные ступени, спускающиеся вниз, подводившие к каменному мостику через Улитку. Ребята радостными воплями приветствовали речку. Брюншель, не оглядываясь, забежал на мостик и остановился. Ребята обрадовались.

– Какой умненький Брюншель, красивенький Брюншель! – кокетливо сказала Эльвира, и Яша увидел, что рука Антона по-хозяйски лежит на плече Шемаханской красотки.

– О-ба, – заметил руку Серый, – давай, Антоша, держись крепче, а то, я слышал, что на Доске не все помнят о Пятом Мире!

– Что, можем не вспомнить? – обеспокоенно переспросила Оленька.

– Дай телефончик, я тебе позвоню и напомним, – нашёлся Серый и все весело засмеялись. А Антон нарочно покрепче притиснул к себе довольную Эльвиру. Веселая толпа перегнулась через перила, рассматривая водопад.

– В Доле семь водопадов, – просвещал толпу Миша, – у каждого есть номер. Это – Третий водопад. Нумерация идёт от Нулевого. Это у Моста Арки Сознания. Далее выше по Горе, которая напоминает нам панцирь улитки...

Но тут произошло что-то, отчего Брюншель заверещал страшным голосом и куда-то умчался в облаке пыли. Ребята перебежали к перилам с другой стороны моста.

– Глеб! – закричала Женя, – смотрите, Глеб в воде!

Пока все болтали, Глеб перешёл мост, спустился к берегу, где река перед водопадом образовывала заводь, вошёл в воду, и вдруг внезапно выгнулся, словно от боли, но не двинулся с места, а только широко раскрыл глаза и застыл. Ребята бросились на выручку, но их остановил чей-то возглас:

– Стойте, не приближайтесь к воде!

Ребята увидели, как к Глебу, словно большая утка с раскрытыми крыльями, подлетела полноватая женщина в старинном зелёном платье и вытащила его за плечи, не заходя в воду, на берег. Брюншель, догнавший наконец свою хозяйку, которую он позвал на помощь, присел возле, тяжело дыша. Женщина положила голову Глеба на мягкий кустик травы, ладонью провела по его глазам, взглянула на застывших на месте ребят с улыбкой и поманила:

– Теперь идите сюда!

У женщины были красивые рыжеватые косы, уложенные вокруг головы, золотистые веснушки, рассыпанные на яблочных щеках, и вся она напоминала нянечку Джульетты, только незримая мощь, исходившая от неё, явно не вязалась с образом няньки. Она погладила нежно Глеба по лицу и сказала ему:

– Как ты? Испугался? Ничего, – и подняла своё солнечное лицо к окружившим их ребятам, – ничего страшного, просто тут такое место – Сомов Грот. Вон там. – Она указала на что-то подальше. – Там живёт Сом-отшельник и это его владения. Вода тут его

– Так Глеба шок хватил, будто его током стукнуло! – сказала Женя. Она вместе с Джамилёй и Олей приглаживали растрепавшиеся и промокшие волосы Глеба.

– Так и есть, слабый ток распускает Сом на своей территории, чтобы не беспокоили его, и вы не беспокойте, ладно? – улыбнулась женщина ещё шире.

Глеб сел на траве, теперь его гладили все девочки. Он смутился и поторопился встать, покраснел, стал извиняться. Женщина сказала, оглядев ребят:

– Ну, вперёд. Ведь вы ко мне шли. Брюншель, беги, готовь класс! – сказала она кабану, тот взвился на месте, и помчался по каменной тропе. – Меня зовут Беркана. Вот... я вас и встретила.

Яша вспомнил, кого она ему напоминала – женщин с картин Эпохи Возрождения: крупная и грациозная, безусловно красивая, похожая на волшебницу из сказки. Но впечатление подпортил шёпот Серого:

– Учительница смахивает на маму Красной Шапочки.

Дом Руны Берканы напоминал обычный средневековый городской дом, с белыми оштукатуренными стенами, отделанными морёными балками и рейками крест-накрест. На окнах висели деревянные створки, с подоконников свисали горшочки с пышными маргаритками и, самое главное, из дома доносился такой аромат еды, от которого хотелось бросить всё на свете и только есть.

– Мой предмет – четыре стихии планеты Земля – вода, воздух, земля и огонь – из них на планете состоит всё, не исключая людей. Мы изучим, как они действуют и взаимодействуют, чтобы... повелевать ими.

Эффект она произвела. Ребята восторженно-вопросительно загудели, а Джамиля, волнуясь, сказала с кавказским акцентом:

– Это могут только волшебники в сказках!

Беркана улыбнулась, словно отведала кусочек чего-то сладкого:

– Но ведь вы хотите хотя бы разобраться в этом? – все опять возбуждённо загудели, а румяная красавица продолжила, – Мы будем говорить также о том, чем нам заповедано питаться от природы правильно. Чтобы на Доске, – а ведь вы будете на неё возвращаться, – вы не ели яды или не причиняли себе вреда незнанием законов пищи, чтобы...

– Чтобы развиваться, как заповедано, – серьёзно сказал Глеб, высвобождаясь из рук девочек, которые опять обхватили его, сердобольно поддерживая.

– Совершенно верно. Чтобы вы знали, мои милые деточки, что у вас там есть под рукой, чтобы использовать это себе на пользу. А то ведь вам что только не пихают, отравляют вас! Кроме того, с пищей прививаются шаблоны поведения, а следовательно и шаблоны мышления. А мы сделаем вас неуязвимыми, цыпляточки мои! И иногда заглядывайте в мой Зелёный Учебник, да?

– А пробовать еду будем или ... только теоретически? – спросил Серый, и все засмеялись.

– Конечно будем! – Беркана указала божественной рукой на раскрытые окна домика, откуда доносились сводящие с ума ароматы неведомых яств. – Чувствуете запахи?

Запахи чувствовали все, но также все услышали, что кабан, находившийся внутри, производил какой-то шум. Серый показал пальцем на окошки:

– А кабанчик... он нас не опередит... покушать? – толпа взорвалась хохотом.

– Брюншель – не обычный кабан, – смеялась со всеми Беркана, приглашая ребят в дом. – Он двигает ваши стулья к столу. Всегда дышите глубже, ангелочки, будете меньше хотеть есть!.. – пела Беркана, шествуя впереди по коридорам и скрипучим, натёртым до блеска лестницам дома.

Это был необыкновенный урок, хотя бы потому, что это был, по сути, обед. Но какой! Брюншель сначала наблюдал за происходящим на уроке, но потом разлёгся на полу, одурманенный ароматами, и заснул, открыв пасть, высунув язык, и обнажив желтоватые клыки.

После занятия за учениками зашёл Сиро. Он подошёл к развалившемуся на полу Брюншелю, понюхал его открытую пасть с кривыми зубами – кабан только чуть дёрнул щекой – и оглядел ребят с готовностью.

Серый всю дорогу приставал к Яше:

– Пацаны у нас – одни ботаны, может только кроме Антохи, тебя и меня, а девушки все красивые, а? Тебе какая больше? Мне, честно скажу, Джамиля...

– Не скроешься, твоя песня называется Раса. Это очень заметно, сказал Яша.

– Что – заметно?.. Не может быть. А ты по кому-нибудь сохнуть собираешься?

– Иди ты, – шутливо отпихнулся от Серого Яша и украдкой посмотрел на Маху. Она шла с Женей под ручку, и они о чём-то весело болтали. Яша услышал обрывок разговора:

– А почему тут учебники Бормочущие, не знаешь? – спрашивала Маха Женю.

– Понятия не имею. Мой Проводник говорил, чтобы мы брали из них основное, а остальное вспоминали сами.

– У Сола – Красный Учебник...

Раса шла одна, осматривая кроны деревьев. Серый, наконец, набрался смелости и пристроился к ней.

– Что, хочешь взлететь и ищешь посадочную площадку? – неудачно делая безразличный тон, спросил он. Раса, однако, охотно ответила:

– Нет, я думаю, исток Улитки глубоко в земле или нет?

– Не знаю, можно Сола спросить... – Серый был на вершине счастья и всеми силами скрывал это. – А ты из Москвы?

– Мне интересно, что в центре Спирали, на вершине, – сказала Раса, уходя от ответа.
– Эй, ребята! – крикнул Серый остальным. – Тут вопрос: спираль воды и спираль суши, – а в сторону прогуляться можно?

Разные голоса отвечали:

– А куда тебе приспичило?

– Уже на сторону захотел...

– Вопрос к Проводникам.

– Это опасно, – сказала Оля, – потому что за Крупнолесьем есть Тьма, мне так Проводник сказал.

Джамиля сказала, как мама:

– Сказал, чтобы ты туда не ходила, в Крупнолесье.

– Тьма? – переспросил Петя и остановился.

– Чего, итальянец? – Антон сбросил руку с плеча Эльвиры и набросил её на плечо Пети. – Они тебя разыграли. А вот моя сорока Мольерка, мой Проводник, сказала, что Крупнолесье с виду вроде тонкого ожерелья вокруг Горы. А если войти туда и пойти вглубь, то можно уйти в бесконечность... Так хорошо поели – нам теперь сам чёрт не страшен. Пошли, разберёмся с ним?

Все засмеялись и завизжали, изображая травлю воображаемого чёрта, – преподавателей не было рядом. Только Сиро невозмутимо стучал копытцами впереди всех.

– Света без тьмы не бывает, тьма на Доске – для баланса, так мой Проводник сказал. Тут её быть не может, – успокоил друга Миша-Ломоносов, и они пошли вдвоём.

Но тема не закрылась. Женя приобняла Петю и весело сказала:

– Нету тут никакой тьмы, ты же видишь! Всё только цветное! Даже тени от деревьев – немного синие.

Маха сказала, держа себя за обе косички:

– Мне Проводник сказал, что тьма есть только за Аметистовой дверью, но её не надо бояться.

– А что, надо с ней познакомиться? – скрывая интерес, спросила Эльвира.

– Я-то думал, что только в моей комнате есть такая дверка, – сказал Глеб, и это хотели сказать все.

– Сол сказал, что пока эта Дверь закрыта, её открывать нельзя, – важно припечатал Миша-Ломоносов и, словно в подтверждение его слов, Сиро кашлянул.

– Смешно кашляет, будто надувной шарик развязался, да? – спросила вдруг Раса Серого, заглядывая ему прямо в глаза. Грянул общий хохот. Только Серый не смеялся, потому что не дышал.

Сол встретил ребят на крыльце Дома Герани. От него исходила волна такой нежности и привета, что девочки бросились к нему и обняли.

– Скажите, а сколько прошло времени, с тех пор как мы ушли? – спросил Яша Сола и тот ответил:

– Здесь время нелинейно, как на Доске, то есть, оно и на Доске нелинейно. Просто вы там используете его, как поток, текущий в одном направлении, из прошлого в будущее, но это... временно.

– Нам так удобно, – сказал Серый, прогладив ладонью ежа на голове.

– Нет, вам так уже неудобно. Это мешает вам жить дольше, гораздо дольше, – ответил Сол. – Ведь вам, наверное, известно, что в глубокой древности люди жили сотни лет?

– В Библии о таком рассказывается, – авторитетно сказал Михаил.

– Ну так это правда, – продолжал с хитровой улыбкой Сол, – а когда приходило время «умирать», они переходили в другое измерение. Это умели все. Кстати, сейчас на Доске есть

единицы людей, которым ... несколько сот и даже тысяч лет. Просто они правильно обращаются со временем.

– А где они? Почему о них ничего неизвестно? – наперебой задавали ребята одинаковые вопросы.

– Потому что они – шпионы высших измерений, и им так надо, да? – спросил Петя, специально вызвав взрыв хохота.

– Наверное, на них смотреть страшно, – вслух подумала Джамиля.

– Отчего же? – весело ответил Сол, – выглядят они по-разному, вне зависимости от возраста. К примеру, самый «старший» выглядит двадцатилетним юношей. – Ребята молчали поражённые, поэтому Сол продолжал говорить просто, словно о жизни ромашек. – По потоку времени можно двигаться по-разному, не только из прошлого в будущее, и не только по линии, но и в любую сторону. Как и в пространстве. Тогда вы посещаете версии ваших жизней.

– А почему мы этого не знали? – спросил Миша. – Учёные не знают?

– Многие знают и говорят ваши учёные, – ответил с лёгким вздохом Сол, – но владельцы самых крупных Каруселей в такой информации не заинтересованы: она вредна для исправной работы ловушек, и поэтому всячески блокируется, объявляется псевдонаучной, в Интернете определяется под грифы фантастики, намеренно искажается, чтобы оттолкнуть читателей, или просто не допускается в печать. К примеру, за инопланетян вам выдают подделки под биороботов-разведчиков, которых вместо себя посылают с короткими поручениями якобы настоящие гости из другой звёздной системы. И заметьте: только гуманоидной формы, а это жуткое ограничение... А ведь жители других планет, на самом деле, принимают участие в земной жизни только по разрешению Галактической Федерации, на время и с условием соблюдения правил невмешательства. А СМИ, служа Каруселям, должны представлять тему так, чтобы наоборот, вызвать в вас страх или отвращение.

– А как же жертвы инопланетян, – спросила Оля, – они же жалуются и их тысячи...

– Во-первых, они не все жалуются, во-вторых, газеты многое привирают. К этой теме позволю себе добавить следующее: вас ждёт сюрприз. Но, – в своё время, – ответил учитель, глядя по спинке подошедшего к нему Сиро. – Я вижу у вас много вопросов, – предлагаю пойти в сад и поболтать.

Глава 7. Тьма невежества и Библиотека Земли

Беседка представляла собой площадку из чёрных и белых плиток, выложенных «в шахматку», колоннами в четырёх углах служили перекрученные стволы каменных деревьев, а крышей – кроны этих каменных деревьев с переплетёнными густо ветвями, через которые светило солнце, и вся площадка была словно покрыта светящимися веснушками. В одном углу было, почему-то два дерева.

«Итого – пять» – рассеянно думал Яша. Его внимание отчаянно делилось пополам: девушка Маха и то, что он слышал от куратора.

В беседке, окружённой цветущими кустиками, все не без удовольствия разместились на оббитых красным бархатом старинных диванах, а Сиро примостился у ног Сола прямо на шахматном полу.

– Эх, – откинулся Серый на мягкую спинку, – не надо и мысли читать, чтобы понять, что на таких диванах я ещё никогда не сидел!

– Эта мебель – французский образец четырнадцатого века, – смакуя побочную тему разговора, сказал Сол и солнце подыграло ему: зажгло огнём зелёные и красные камни на его поясе. – Тогда многие полюбили новую моду обставлять замки удобной, уютной мебелью, стелить ковры и даже разгораживать ими большие помещения на комнаты..

Яша увидел, что Сол смотрит на Олю, которая вся покраснела, а мышинный хвостик её волос дрожит.

– Я хочу спросить Вас... опять, – сказала она неуверенно и посмотрела на других, словно ища помощи, – насчёт религии, то есть... церкви. Почему это тоже ловушка?

Вид у неё был несчастный, но в глазах мелькнул вредный жестяной огонёк.

– Очень хороший вопрос, дорогая, спасибо, это сразу надо прояснить, – сказал Сол, как будто Оля поздравила его с днём рождения. – Вселенский Закон Любви – есть такой закон в физике Вселенной – учит нас уважать выбор другого человека, но он не запрещает разобраться в том или ином вопросе, если он вас интересует. И, прежде всего я скажу, повторюсь, что ловушкой может стать для вас всё, что угодно, даже прекрасные вещи, – это зависит от вашего выбора. Давайте разберёмся с самого начала. По истории вы изучали в школе на Доске, что религия возникла от страха людей перед неизвестными явлениями природы, и первыми священниками стали жрецы племён, так?

– А нам и не такое рассказывают! Представьте, приличные люди, учителя, говорят, что человек произошёл от обезьяны! – Маха произвела взрыв хохота, и Сол хохотал вместе с ребятами.

– А помните, вы говорили про три понятия – Бог, религия и церковь? – спросил Петя и умолк, потому что все разом посмотрели на него, как коты на мышь. Сол же, благодарно кивнув, подхватил его мысль:

– Второе понятие, религия – это сам предмет верований с мифами и многочисленными текстами. А вот церковные институты – изначально и впоследствии – дело рук жрецов, групп людей, которые всегда имели цель перехвата власти у монарха, идея тоталитарной, абсолютной власти. Они создавали из веры в Бога товар и привлекали как можно больше народа под свои знамёна. А их цели были очень просты – обогащение, как и во всяком торговом деле, или жажда власти, как страсть. Прикрывали они, конечно, свои цели, как могли, пугали людей наказаниями ада, ругали другие религии, подделывали тексты, – это обычные дела в бизнесе, но, несмотря на это, происходило и до сих пор происходит чудо, – изменил тон Сол и посмотрел лучистым взором прямо в Олины вытаращенные и перепуганные глаза. – Среди людей и среди людей церкви находятся такие, которые, считая себя верующими, действительно любят Бога, а

не поклоняются Ему от страха адского наказания. Но заметьте, в этом чуде участвует человек и Бог, и никакого посредника.

Оля сидела неподвижно, соображая, что происходит в её голове. Тогда Сол сказал:

– Позволь мне дать тебе совет. Если ты посещаешь церковь, читаешь Библию, участвуешь в обрядах и чувствуешь себя при этом счастливо, то это прекрасно, продолжай, радуйся, воспаряй во время пения хора, или своей собственной молитвы! Только никогда не забывай, что все чувства радости, умиротворения, желания сострадать другому, чувство благодарности и покоя, – исходят от Бога, который находится повсюду, в каждом человеке, не исключая никого, и тебя прежде всего. Вот и поддерживай Его в себе. И тут никакой ловушки нет.

– А всё-таки, Божественное и человеческое – вроде света и тьмы? – прервал учителя Петя, и на всякий случай посмотрел на Мишу.

– Это так, если под словом «тьма» мы подразумеваем только человеческое невежество, то, что не освещено светом знаний и любви, или энергию неосвещённую, непаханое поле, – расцвёл улыбкой Сол и обвёл глазами круг ребят. – Невежество усадит вас на любую карусель и закрутит до беспамятства... Забудете, что в вас искра Божья. Мы в Школе Улиткиного Дола даём вам доступ к знаниям, которые сформированы не министерством образования, а изначально составляют информационное поле планеты, это и есть Библиотека Земли. Эти знания – вроде света, который осветит вам дороги, а дальше – ваша святая воля выбирать. Запомните, никто не в праве за вас выбирать ваши цели и пути, диктовать вам, кроме вас самих, потому что свобода выбора дана каждому, и не забудьте её охранять в себе и давать такое право другому.

– Я поняла: здесь дают знания, а не слепую веру, – сказала Маха, забросив за спину две шоколадные косы, и её красивые кошачьи глаза прищурились. – Это то, что мне надо.

Ребята опять засмеялись, Яша подавился воздухом, когда махины косы взлетели, а Сол сказал:

– Совершенно верно, мы дадим знания, а не веру. Потому что где есть вера, там есть и сомнения – такова природа человека. А знания – для того, чтобы вернуть себе могущество, данное каждому изначально, чтобы управлять своей жизнью самостоятельно, сознательно, только с Божьей помощью, находящейся вроде звезды в каждом существе, и больше ничьей.

– Значит, вера совсем не нужна? – спросила Оля так сильно краснея, словно собираясь взорваться красной краской.

– Вера очень нужна, – ответил Сол мягко, – но сначала в свои силы, вера в себя. Только тогда Богу можно положиться на тебя.

– Солнцу не важно, видишь ты его или нет. И ты можешь прятаться от его лучей, оно не запрещает. Богу не важно, веришь ты в него или нет, и к какой религии ты принадлежишь. Он просто любит всех, кого создал и всё. А солнце светит, – объясняла Маха.

« С этой темой она явно выясняла свои отношения», – подумал Яша, мельком заметив, что форма уха Махи совершенна. Сол посмотрел на Маху, как на новую розу, распустившуюся в его саду.

Оля перестала сиять красным цветом, а Джамиля взяла её под руку.

– И по Закону Равновесия, который вы изучите, приличные люди эту любовь должны бы Богу вернуть, – шутливо продолжил Сол, и все засмеялись. И тут прозвучало:

– Вот вы говорите Бог, а кого вы имеете в виду?

Все посмотрели на Антона, задавшего вопрос, и ответом Сола сначала была улыбка, какой ещё не видели студенты:

– Мой предмет, как вы помните, Измерения Сознания, поэтому вопрос очень по существу и схема, которую я вам обрисую – основополагающая в этом вопросе. Смотрите, сейчас перед каждым, для удобства появится в воздухе голограмма этой схемы.

Яша действительно увидел чуть выше своих глаз словно бы маленькое солнце, светившее мягко, позволяя на себя смотреть, не щурясь.

– Сейчас вы узнаете то, что должен знать каждый человек, чтобы быть собою и не попадать ни в какие ловушки нигде и никогда. Представьте себе, что солнечный шарик перед вами – это сознание Бога, Истока, как мы говорим.

Яша увидел, что от миниатюрного солнышка перед ним протянулся вниз лучик, на конце которого зажглось солнышко поменьше.

– На конце каждого его луча – солнышко поменьше. Это Центральное Солнце нашей Вселенной, которая называется Альфа и Омега. Сейчас лучик из него ведет к следующему солнышку поменьше – это хорошо известное вам Солнце нашей Галактики Млечный Путь, от которого также исходят лучи, рождающие солнца разных солнечных систем нашей Галактики и наше Солнце также. Оно, кстати, входит в Семью, которая зовётся Семь сестёр, семь солнечных систем, объединённых в созвездие Плеяд, частью его мы являемся... И вот, следующий сверкающий шарик – наша Земля, планета Гайя, которая потом тоже станет солнцем. А вот и человек.

– Я тоже вижу вместо человека светящуюся звёздочку, как солнышко, – сказала Джамия, глядя перед собой озабоченно, – а где...

– ...тело? – словно мячик, подхватил вопрос Сол. – Правильно, дорогая, ты видишь Большое «Я» человека, его Высшее, Божественное сознание, а тело... внутри!

– О-па! Я тоже вижу! Так вот где я! – радостно вопил Антон. – В себе!

Хохот беседки взлетел над садом.

Тут произошло что-то у Яши внутри груди: словно бы луч от голограммы протянулся к нему, тепло прошёл чрез макушку и уютно устроился в яшином солнечном сплетении, как тут и был. Вопрос Глеба, находившегося, без сомнения, в шоке, сдул голограммы:

– Так Бог – сначала рождает вселенные?

– А что такого? – спросил Сол шутливо и беседка засверкала от смеха, который позволил всем перевести дух от увиденного. – Да, Сознание Верховного Творца творит чудеса, как и ваше собственное, являющееся частью Его Сознания. Стало яснее?

– Стало веселее, – сказала Маха, ладошками обтирая лицо. Её прозрачные глаза цвета чая крепкой заварки выражали пик достигнутого счастья и какого-то счастливого облегчения. – Всё так просто! Большое состоит из малых фрагментов, как и океан из капель. И карусели не страшны, теперь можно даже покататься, без страха попасть в ловушку, так?

Последнее «так» обращалось к «одноклассникам». Сол пояснил:

– Сознание человека на планете Земля – тот самый фрагмент или лучик от Творца – управляет вашим физическим телом, которое является уплотнённым полем колеблющихся волн индивидуального рисунка. Это ваше земное поле состоит из синтеза нескольких полей или тел – тела эмоций, тела разума и эфирного тела, двойника вашего физического тела и других разных тел-полей у вас ещё много. Когда целитель вас лечит, он видит искажения эфирного тела, которые показывают, где лечить физическое.

Яша заметил, что Глеб слушал с таким выражением, словно бы видел перед собой чудо преображения из мёртвого тела назад в живое, и даже вопрос Жени не сдвинул ни чёрточки в его лице или позе. Вопрос был такой:

– А Иисус Христос – кто, по-вашему?

Оля подскочила и благодарно посмотрела на Женю, опять раскрасившись помидорной краской. Сол, сидя в кресле, слегка поклонился вопросу и ответил:

– Весь курс в Школе Улиткиного Дола можно было начинать с этого вопроса. Имя человека, который родился приблизительно пару тысяч лет назад в Галилее – Иешуа бен Иосиф. Когда жрецы поняли, что повсюду стали возникать христианские секты, то есть группы людей, вдохновлённые учением Иисуса, и всех этих христиан не перевешать, они решили использовать учение и имя Иисуса на благо своим целям стяжания власти над народами. Они стали строить церковь, утвердив крест с распятием в центр поклонения, переписав, конечно, и тол-

кую слова источника так, как им было надо, чтобы собрать и подчинить себе побольше людей. Но они не знали, что Христос, также является древним условным названием энергии Верховного Творца...

– ... солнышка, с которого мы начали? – выпалил Глеб.

– А я знаю, – сказала Маха, хитро прищутив свой кошачий глаз, – что учение было искажено, праздники языческие переделаны в христианские, и все тексты, которые содержали истинное учение, были или уничтожены или захвачены. Часть их спрятал Ватикан, и они никогда их не покажут, потому что там вся правда, такая правда, что никто после этого в церковь не пойдёт.

– Нет, надо, чтобы всё стало известно, но люди всё равно объединили бы свои религиозные взгляды, – сказал Петя.

– Для такого скачка сознания нужно время, может, двести лет! – возразила ему Эля.

– Понятно, Творец делает вселенные, – вслух размышлял Антон, – а вот человек что создаёт?

– Мой предмет – Сознание, – отвечал Сол, – и Сознание Творца создаёт миры других вселенных, сознание вселенское творит галактики и так далее. А сознание человека творит свой собственный мир и свою жизнь, свои вселенные.

– А вы в курсе, что мы, люди, там, на Доске такого натворили... – все засмеялись на это замечание Антона.

Сол поднял палец.

– Вот почему вы здесь. В Улиткин Дол собирают тех, чьё сознание уже претерпело изменения. Вы будете и дальше развивать его, просыпаться, посещая занятия в этой школе, чтобы потом...

Словно стрела вверх взлетела ладошка Махи.

– Можно? Простите, но я видела это во сне! Я видела Вас, вы говорили это и я запомнила! Все загалдели: мы тут и так во сне.

– Нет! Это было давно. Я была тогда ... совсем одна, без родителей, – Яша напугал слух, – всё время плакала, а тот сон словно дал мне заряд. Я потом преодолевала всё!

– Да что там во сне у тебя было? – спросил Антон.

– Вы, – Маха повернулась к Солу, – мы с вами стояли на мостике ... это был Дол?

Сол кивнул, сияя улыбкой.

– Я была маленькая тогда, – продолжала вспоминать Маха, – и вы сказали, что моя жизнь будет необыкновенной, что я смогу как волшебница помогать людям. Вот.

– Да, милая, – приобнял Маху Сол, – мы с тобой стояли на мосту чрез Улитку здесь, совсем рядом, у Дома Герани. Ты проскочила Арку Сознания и вприпрыжку побежала по тропинке прямо ко мне. Но сначала я увидел твоего попугая.

– Да, мой попугай – Сентябрь! Мой Проводник здесь, в Доле, – ликовала Маха. – Он всегда был моей мечтой, а во сне он становился реальностью, и мы играли на лужайках у моря...

– Никто не заметил, что Маха прервала учителя? – ворчливо вставился Михайло.

– Вы говорили, что мы тут для того, чтобы... – помогла Оля всем.

– Да, с вами мне так хорошо, что я всё забыл, – пошутил Сол. – Так вот. Пребывая здесь, вы создаёте и накапливаете заряд, вроде аккумулятора, а затем на Доске вы... просто живёте земной жизнью. Но заряжаете всех вокруг, питаете...

– Мы питаем остальных? – обвёл всех взглядом Петя. – Нас же мало, на всех еды не хватит...

Грянул весёлый хохот, но ответ все хотели знать.

– Ты прав, – отвечал Сол, – но, во-первых, вы, скорее, не питаете, а даёте импульс, толчок, чтобы земное сознание другого человека пробудить, и тогда каждый сам понимает, как быть дальше, чем и как заниматься. Но, конечно, на уровне подсознания.

– А во-вторых? – Махе не терпелось.

– А во-вторых... – загадочно протянул Сол, повёл в воздухе рукой и над головами ребят расцвёл шатер из многоцветных огней, все ахнули и минуту-другую созерцали это мерцающее чудо, сквозь которое сияло солнце Пятого Мира.

– Сейчас у вас над головами я приоткрыл небольшой портал-окно, через которое можно видеть разноцветные звёзды в душах многих миллионов землян. Это портал-переводчик на язык Пятого мира. Он переводит на язык энергии то, что сокрыто и невидимо на Доске...

– Это души людей на Доске?

– А кто они?

– Вот хороший вопрос, – сказал Сол, и звёзды начали таять. – Это -остальные. Не налагать же всю ответственность по перемене сознания землян на ваши молодые плечи.

– Значит, они такие же, как и мы?

– Абсолютно.

– А кто эти люди на Доске? – задала вопрос Джамиля.

– Это люди разных профессий, мастера своего дела, но кроме этого – тоже генераторы нового сознания. Они тоже имеют свои уголки в прекрасном мире Улиткиного Дола и в других подобных местах, созданных их прекрасными сознаниями, и они пребывают здесь во сне... Однако, есть разница. Просыпаясь на Доске каждый день по утрам, они ничего не помнят о своих посещениях другого измерения. Более того скажу, почти половина из этих людей не занимаются ни эзотерикой, ни религией, ни философией. Многие из них не верят в «сверхъестественное».

– Так они спят? – копала мысли Маха.

– Не совсем, – отвечал учитель. – Просто перед рождением на Доске, была чётко определена их миссия, и условием её выполнения было как раз не помнить «другую» жизнь.

– Я это потом пойму, – пробормотал Петя, и все засмеялись.

– А почему всё-таки?

– А потому, что Творец имеет невообразимое количество разнообразных видов энергии, каждое существо и его личность, сознание – неповторимо! Вы же видели огни! И есть такие «заряды», которые можно реализовать только в определённых ограничивающих условиях.

– Чем же они заняты, Боже ты мой? – спросил Антон .

Это было произнесено так смешно, что Сол издал раскатистый смешок.

– Они заняты созданием очередной Эпохи Возрождения, друзья! Они не только художники, поэты, архитекторы, но и учёные, врачи, общественные деятели, даже фермеры! К примеру, скоро вы не узнаете Москву!..

Эти слова Сол выдал прямо Яше в грудь.

–А что? – вслух спросила за Яшу Маха.

– Она станет одним из самых красивых городов мира.

– И чистых? – засомневался Серый.

– И добрых, – отвечал веселью учитель. – На катках зимой будут устройства для согревания ног. А в метро будут выдавать напрокат зонтики в непогоду. И многое другое! Это подхватят другие города... Вас ждут чудеса, сотворённые этими людьми!

– А мы тогда на что? – пытал Михайло.

– Вот и вернёмся к нам, друзья, – Сол присел на свой трон. – А ваши драгоценные сознания будут в том числе «питать» тех, поддерживать, понятно? Только надо хорошо понять сейчас в этот момент и навсегда, что все сознания связаны в *одно* Сознание Творца. Весь мир един. Об этом и пришёл сказать людям Иешуа. Кстати, его сознание было «включено» на все сто.

– А питать как будем... пихать ложку? – смешил публику Антон.

– Просто жить и знать, кто вы, – отвечал учитель.

– Здорово, – серьёзно сказал Серый как бы себе, – во мне, значит, сознание божественно, а эти ... грехи?

Кто-то тихо подавил смешок, а Сол ответил:

– То, что ты называешь грехом, то есть список несовершенных качеств и потом поступков, на которые они толкают, можно рассматривать как испытания, которые предлагается использовать в качестве механизма совершенствования. Только...

– Только мы на этом подзастряли на Доске, – сказала Маха, – увлеклись и в ловушки попались.

– А грехи человеку... кто-то предложил? – задала свой вопрос Эльвира, которая обычно молчала во время рассказов учителя.

– Милые мои, запомните. Доска, то есть Четырёхмерный мир – это исключительно зона вашего творчества. Никто вам там ничего не навязывает и также исправлять за вас никто ничего не будет. Таков закон. Грехи – это и усложнение вашего пути, и бесценный опыт. Вот пыль в доме: делаете уборку – учитесь труд любить. Развели пыли слишком много – усложняете себе уборку, будете потом ремонт делать или зарастёте грязью. К примеру, один из грехов – жадность, как и прочие, рождается в заниженном сознании человека Четвёртого мира, – как по-писанному отвечал Сол, а Серый хмуро встал:

– Там, где два процента от ста. Знала бы жадность про себя правду.

Тут все услышали необычный, словно прозрачный, голос Расы:

– Иисус... дальше.

Сол словно вырос, сидя на своём троне.

– Благодарю тебя, – обратился он в Расе, – ты напомнила мне о завершении этой темы. Друзья, сегодня вы познакомились ещё ближе с темой измерений сознаний. И без долгих объяснений вам теперь понятно, что сознание Иешуа бен Иосифа было неизмеримо больше или выше остальных людей на земле. Оно было таким и до его рождения на Доске и после его жизни на Доске. Вам ясно также, что его жизнь имела великую миссию. Он изменил ход жизни на земле, принеся в почти кромешную тьму источник света. Не вспышку, а именно источник.

Никто не нарушил тишину возникшей паузы. Сол продолжил, глядя внутрь себя.

– Этот источник света позволил многим людям увидеть *свой* свет и пойти к нему. И это происходит до сих пор. А искажения... Вот есть хороший солнечный день. А тучи? Они искажают свет солнца?

– Тучи пролетают по своим небесным дорогам, просто мимо, – сказала Раса.

– И туман – это не отмена солнца, а просто многообразие жизненного опыта... – поэтично-задумчиво протянула Эльвира.

Вдруг Сиро вскочил и побежал в дом.

– Чего это он? – спросил Глеб, словно очнувшись от сна.

Сол пояснил:

– Дома здесь – это особая зона, которая видится вам, как дом. Зона меняется постоянно; и Сиро, Брюншель и другие Хранители домов, с которыми вы познакомитесь, чувствуют эту зону особым образом. Они нераздельно связывают Дом с вашим здесь присутствием. Что-то меняется внутри, и Сиро спешит посмотреть, и творчески поучаствовать. К примеру, потанцевать танец маленького оленя при замене столовых приборов. Пойдёмте-ка, я вам кое-что ещё покажу в Доме.

Все вскочили, а Миша степенно встал и изрёк, обращаясь к Оле:

– Думаю, в скорой перспективе – объединение всех религий. Пусть остаются собой, но признают общего Бога, общий Исток, наконец, – речь была достойна взрослого мужа.

Джамиля, а за ней и Оля прыснули.

По правую руку от камина оказалась ещё одна дверь, которую Яша не заметил раньше.

– А вроде её не было тут? – сказал Антон, когда все вслед за куратором подошли к массивной резной двери.

– А я только что предупредил вас, – шутливо поклонился Сол, – в Доме Красной Герани, и в других Домах Улиткиного Дола, могут меняться пространства и предметы, по мере продвижения в познаниях.

– О-о, мы уже и продвинуться успели, – в тон пошутил Серый.

– Да, мы же заговорили о знаниях, и тут же проявилась эта дверь в Библиотеку, – показал на резные вензеля Сол. – Доступ сюда будет всегда открыт, пока...

– Пока что? – прервала паузу Эльвира. Сол замялся.

– Пока есть вопросы, – и он просто толкнул дверь.

Ребята прошли по короткому, слабо освещённому коридору, который вывел их в странное помещение круглой формы. Белый мраморный пол под ногами словно был подсвечен снизу, а стены напоминали плотный синий туман.

– Приплыли в колодец, – тихо сказал Серый, обращаясь к Расе, слегка пригнувшись к её плечу, и его слова разнеслись тут неожиданно громко, но все в это время смотрели наверх. Яша увидел, что стенки «колодца» поднимаются в поднебесье, которого вроде бы и не предполагалось в невысоком Доме Герани, и что в гуще голубоватого тумана стен проглядывают, словно живые, крошечные двигающиеся огоньки. Несмотря на странности помещения, тут ощущался чудесный покой, а Яшино любопытство достигло здесь, казалось, своей наивысшей точки кипения.

– Вглядитесь в туман, мои дорогие, и вы увидите множество изящных лесенок, – Сол наслаждался эффектом, произведенным на Юных Библиотекой, – по ним можно бродить!

– А заблудиться тут можно? – опасливо спросил Глеб.

– Нет, милый, никак не возможно, – расцветал широкой улыбкой Сол, и мясистая часть его носа в такой момент почти потешно нависала над улыбкой. – Видите огоньки? Это ответы на ваши вопросы. Если вы входите в Библиотеку, имея вопрос, – а иначе Дверь сюда не будет вами опять обнаружена, – то тут же перед вами зажжётся огонёк и поведёт вас по нужной лестнице... А когда вы получите ответ, вы окажетесь у выхода в коридор. Огонёк выведет вас! Вот и всё!

– Ясно, будем учиться теперь и во сне, – с шутливым вздохом сказал Антон, а Женя сердито дёрнула его за рукав. Сол кивнул шутке и поднял обе руки, указывая на стены колодца:

– Мы и не учим, а помогаем вспомнить. Вся информация уже заложена Всевышним Разумом в каждого из нас с рождения, в каждую клеточку вашего тела и всего Существа. Вернее, она всегда в нас, потому что она всегда в Боге, а мы – его частицы. Просто у вас она заблокирована, а мы подсказываем вам, как её разблокировать. Дать лучу дорогу.

– Значит, будем потихоньку приходить в себя, – оглядывая голубые туманные стены, сказал Антон, и все заулыбались, почему-то опасаясь громко смеяться тут.

Сол сунул руку в туман, словно поднял невидимый рычаг, и прямо на стене перед ребятами развернулся небольшой экран. Пока по нему двигались цветные тени, Сол продолжал:

– По мере «вспоминания» себя, частота ваших вибраций меняется, повышается, – учитель заметил несколько вопросительных взглядов, но за него всё объяснил Миша, развернув к ребятам свои большие уши:

– Всё есть движение волн энергии с разной скоростью и рисунками. Определенная скорость, более медленная – создаёт, как кусочки масла из взбиваемого молока, маленькие частицы разреженной материи, они потом сбиваются в более плотные и вот вам наш мир материи. Заторможенный свет, как кто-то сказал.

Сол тремя плавными хлопками поаплодировал сибирскому гению и пояснил дальше:

– Собственно, все миры Бога разноматериальны, можно так сказать. «В доме Отца моего Обитателей много». Энергия находится в постоянном движении, и движется с разной скоростью,

создавая миры разной плотности. Если у вас сознание полностью активно, то вы можете путешествовать по ним беспрепятственно.

«Ух, ты! – мысль Якова совпала с общим возгласом. – Осталось только в сознание прийти.»

– А говорят, у каждого человека есть настоящее, вечное имя, то есть своя индивидуальная частота вибраций, неповторимая нигде во Вселенной, так? Ещё говорят «код» или «рисунок», – изрёк опять Михайло, а Серый тихонько, чтобы все слышали, бормотнул: «Страшно умный мальчик». На что гений невозмутимо кивнул, а Сол одобрительно засмеялся.

– А теперь внимание, повтор. С повышением духовности индивидуума, повышается скорость его частиц или энергии, энергия утончается, повышаются вибрации, как мы говорим, – вещал Сол, – и тогда вы получаете возможность посещать другие измерения, Дол, к примеру.

– А это... с точки зрения физики как? – спросила неуверенно Женя.

– Скорость колебания частиц Третьего и Четвёртого мира – от 7,8 Гц до 16 Гц в среднем. У апостолов Иисуса была пара десятков, а у Иисуса – 105 Гц, – Сол говорил, как по писанному.

– Кто-то мерил? – пошутил Серый.

Сол махнул на туман:

– Все данные – в Библиотеке.

– О-па! – погладил бритую макушку Антон и оглядел остальных. – Так это правда, что хорошим быть выгодно?

– Тысячи лет вам про это говорят, – оперев руки в бока, отвечала Антону Эльвира. А Глеб одновременно поднял ладошку, покраснел и сказал:

– Значит, я не зря старался всегда.

Класс зазвенел смехом умиления и радости от внезапного открытия товарища. Сол продолжил:

– Внешне, то есть на Доске – повышение вибраций никак не заметно, а вот в Пятом мире, это видно сразу.

– Как? – спросили сразу несколько голосов, и Сол раскрыл руки как для огромного объятия:

– Это факт вашего присутствия здесь! Или вот, отсюда видно меняющиеся частоты Доски, – указал он на экран, и ребята увидели обычную городскую улицу, по которой в обе стороны двигался поток людей.

– Смотрите, вон мужик идёт – светится! – воскликнул Серый, и некоторые подавили смешок.

– Обратите внимание – его свет передается другим, и их частоты повышаются, – продолжал Сол, а на экране было чётко видно то, о чём он говорил.

– Вот это да!.. – искренне поразился Антон, – а это не компьютерная анимация?

– Смотрите, сияние этого дяденьки налипает на прохожих! – этот почти крик Махи привлёк внимание Сола. Он ответил:

– Это и есть ваша задача, если желаете. Здесь вы, впитывая знания, повышаете свои вибрации и помогаете повышать их другим людям, сознание которых ещё спит.

– Что, просто мимо всех гулять что ли, и всё? – переспросил Серый.

– Иногда и просто проходить мимо достаточно! Но только если ваша звезда-маячок горит, – радостно констатировал чудо Сол. – Да, Улиткин Дол – это школа, цель которой, как и любой другой школы – дать знания. Или точнее, разбудить в вас Свет знаний, повышающий ваши вибрации, возвышающий сознание. И... что не делают в ваших земных школах, подготовить вас по некоторым специальностям, которыми вы сможете пользоваться на Доске. Знания здесь не сфабрикованные, а настоящие. Это элементарно, физично, как бы на Доске сказали.

– Да-с, но это – продолжение земной физики, как бы помягче сказать, – заметил Михайло.

– На Доске это называется ругательно – «эзотерика», – хмыкнул Антон.

– «Метафизика» звучит лучше, – сказала Маха.

– Раньше звучало «алхимия». Алхимия духа, я бы сказал сегодня. Потому что, как и в химии, измерения находятся одно в другом, взаимопроникая, – объяснял Сол. – Каждое измерение имеет законы своей физики, дальнейшей физики, я бы сказал. По мере утончения измерений.

– То есть, я так понял, – работал мозгом Михаил, – что законы физики трёхмерного пространства действуют только в трёхмерном мире?

– Да, именно так! – радовался Сол. – «Метафизика» – в словаре толкований так и объясняется, как «следующая физика, за пределами». Впрочем, называйте, как хотите. Как я уже рассказывал вам, вы живёте на гребне смены эпох. Это процесс обычный в развитии жизни любой обитаемой планеты, и процесс систематический, как этапы роста растения. Смена уже произошла, только-только. Теперь всё стремительно меняется, набирая критическую массу, и через несколько лет произойдёт некий сдвиг, перелом, Переход, как мы тут говорим.

– Переход куда? – спросил Яша, ощущая себя в миге, которого будто бы долго ждал.

– Весь «человеческий» мир Доски, в результате ряда квантовых скачков энергии, перейдёт в другое измерение, более высокое измерение Четвёртого и частично Пятого Мира – спокойно сказал Сол, и пространство в колодце накрыла подушка тишины. Мысли и чувства работали, а экран незаметно растворился в тумане.

– А можно спросить... – замялась Женя, оглядываясь на остальных, – а что такое измерение? Четвёртое, Пятое? И дальше?

Сол был доволен вопросом девочки:

– И дальше. Измерение – это состояние сознания. Его уровень, частота или «рисунок» вибраций. И переход будет постепенным: сначала осознаешь, а тело после «догонит». Сначала у некоторых людей, потом у остальных.

Тишину пробил спокойный голос «Ломоносова»:

– Понял. Вибрации всего на Доске повысятся, так?

– Верно, – ответил Сол, – но прежде нужно осознать, как я только что сказал, и поэтому на земле произойдут некоторые «пробуждающие» сознание события. Но... об этом – в другой раз. Вы узнаете, что делать и как, а также то, что никакое будущее не предопределено...

– Так будет Переход или нет, я не понял? – спросил Серый, и похоже, этот вопрос задал бы здесь каждый.

– Будет, уже идёт, но как он пройдёт, зависит, в том числе и от вас, – сказал Сол серьёзно, заглянув каждому в глаза. – И потом... что значит «переход»? Это повышение вибраций всего. Вот так.

– Это – необычное место, – раздался тихий голос Расы. Все повернулись к ней, а Серый покраснел. – Эта Библиотека – Хроника.

Воцарилась минута оглушительной тишины. Сол смотрел на девочку так, словно встретил давно потерянную дочь.

– Ты совершенно права, дорогая, – взволнованным голосом ответил он и подошёл к ней поближе. Яше показалось, что учитель всматривается в лицо девочки. – Это и есть Хроники Ай-Ка-Ши.

– А что это за Хроники? – спросили сразу несколько человек.

– Это тема одного из следующих занятий. А теперь, ребята, я попрошу вас разойтись по своим комнатам. Дело в том, что...

Сол посмотрел в сторону коридора – там стоял Сиро.

– Оленёк сообщает, – голосом радио заметил потихонечку Серый, но его опять все услышали.

– Да. Дело в том, что именно сейчас в комнате каждого из вас ждёт сюрприз. А Библиотека... теперь вы можете ею пользоваться. И помните, Каруселям нужно ваше доверие, чтобы поймать вас, – вам же нужны знания.

Яша выходил из Библиотеки последним, и ему очень хотелось остаться. Он всегда лопатил книги целыми полками, а тут – просто беспредел информации! И, надо полагать, не придуманной, не искажённой, а самой точной. Истинной, как сказала бы бабушка Клавдия Михайловна. Он решил вернуться сюда, как только возьмёт сюрприз в своей комнате.

Но сюрприз оказался самой неожиданностью: огромный фиолетовый камень на Амethystовой Двери горел и светился, как фонарь и Дверь была приоткрыта. Что-то говорили про какую-то тьму за этой Дверью... Иди за тягой! Яша, замирая, открыл её.

Прямо под ногами и дальше расстилалась ароматная чёрная трава, по ней было очень мягко ступать. Она была ароматна совершенно немислимо. Дальше трава стала обтекать серосиреневатые камни. На одном из них сидела девушка. У неё были длинные, слишком ненатурально светлые волосы и она была Яше очень знакомой, но кто она была такая – он не мог бы сказать. Может, Ника? Похожа. Девушка улыбнулась Яше, разделила свои прекрасные волосы на две части и стала заплетать их в две косы. А потом её волосы стали медленно приобретать оттенок шоколада...

Тут он проснулся.

Глава 8. Лапка вещает

Яша проснулся от треска будильника. Первым желанием было одним ударом раскрошить этот коробок. Вторым номером нахлынуло острое желание бежать.

Опять. Что вообще это означает?! С этим невозможно жить спокойно. Так, разберёмся, – и Яша сел в кровати, положив руки на покрытые одеялом колени. Первое: идти в школу сегодня – ни-ни. Последний раз такое чёткое желание пропустить занятия было в первом классе. Но так, чтобы совсем, вот так чётко, осознанно?

Яша быстро вскочил и стал сдёргивать ночные трусы. «Быстро переодеться и вон, пока никто не проснулся, и не припёрлись Марьяна и Толик. В конце концов, в новом мире я живу, или нет?»

Пока Яша переодевался, крался на кухню за холодной котлетой, супертихо отпирал входную дверь и летел вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, он думал, чем же так противна ему его школа, в которую простым смертным попасть невозможно. «В самом деле, чего мне не надо? Надувного лоска, по понятиям плебейских тёток, точно. Фальшивых манер и понтов. Загрузили тоннами непроверенных данных для заучивания, а кому они нужны? Меня, как гуся, жарят на обед их Каруселям. А чего хочу я сам?»

Яша вылетел из арки со шлагбаумом, отделявшей двор их элитного дома, от улицы и прочего низшего мира. Мысль о своей исключительности была очень приятной. Но с другой стороны, тихо из всех углов этого крутящегося мира выдвигались широкоплечие проблемы и вставали стройными рядами прямо перед носом: что скажет мама Марина, бабушка, и – что дальше?

За углом арки стоял Барсук. Он был одет в неплохой костюм, умыт, подстрижен и выбрит, и годился в таком виде хоть в телевизор в передачу «С добрым утром». Яша только сейчас заметил, что Барсук высок и строен.

– Ну ты... Так рано не спишь? – не нашёлся Яша, и добавил про костюм, – Здорово!

– Доброе утро, малыш, – как ни в чём ни бывало ответил Барсук, – пошли, я тебя с Лапкой познакомлю.

– Н-нет, стоп. Лапка, это твоя женщина, что ли? Не хочу, не надо, Барсук... – Яша почувствовал неприятный мороз в плечах.

Барсук закатился хохотом.

– Нет, брат. Лапка, конечно, женщина, но, во-первых, не моя, а во-вторых... Э-э... Она в моих нынешних годах встречала перестройку, такое дело.

– А тебе сколько? – спросил Яша.

– А сколько дашь?

– Выглядишь под сорок, – примерился Яша.

– Так и есть, – согласился Барсук. – Тридцать девять сегодня исполняется.

– Поздравляю, – сказал Яша, а Барсук вскинулся:

– Это ты кисло откликнулся. Дата необыкновенная – три плюс девять – двенадцать, в сумме – три... Или вы ещё это не проходили в Доле?

– Так ты поэтому так нарядился? – улыбался Яша.

– Не только, – Барсук нарочито загадочно оглянулся. – И для дела надо.

И они прыгнули в автобус. При этом Барсук воспользовался проездным и пропустил Яшу. Они взобрались сзади на пустой ряд приподнятых кресел.

– А ты в курсе, что я должен идти в школу? – спросил Яша с надеждой, что Барсук читает не только его мысли, но и намерения.

– Запомни, ничего ты не должен. Я хочу, чтобы ты ходил в школу с удовольствием и прытью, – заявил Барсук.

– Это невозможно, – грустно ответил Яша.

– Тогда надо туда, где меньше спроса, где попроще, а точнее, где твоя успеваемость – твоё личное дело, – просто рассуждал Барсук, словно речь шла о том, в каком гастрономе лучше купить булки к чаю.

– Ты не понимаешь, – серьёзно сказал Яша, – у меня есть мама, а у неё есть планы, чёткие планы повсюду, включая меня с братом.

Вдруг взгляд Барсука почему-то стал очень жёстким, даже злым.

– Слушай, а не переехать ли тебе к бабушке? – заявил он, и тут они чуть не слетели с кресел, потому что автобус резко затормозил.

– А откуда ты знаешь, что у меня есть бабушка? – спросил Яша.

– Ты себя слышишь? Бабушка есть у всех, – сказал Барсук, но их разговор был прерван, потому что в автобус вошли двое обритых парней, громко разговаривая матом. Пассажиры съёжились, а мат брызгал по всему пространству, как стая скунсов в экстазе, ограничивая всех во всех их свободах, и сводя на себя всё внимание.

Барсук внимательно на них посмотрел, и Яша почуял, что что-то должно произойти. Кто-то внутри него попятился вглубь, потому что не хотелось портить себе первое утро свободы, а Барсуку – день рождения. Но Барсук, наоборот, словно бы увидел добычу, и тут Яша заметил:

– Слушай, а мы, кажется, уже по второму кругу на маршруте поехали, а?

– Всё правильно, – с улыбкой охотника отмахнулся Барсук, – сиди, мы тут Лапку должны встретить, мы договорились: на круге.

– А Лапка... нас ждёт?

– Ещё как! Она такой торт для меня испекла в виде улитки – чистый крем! Спрятала на шкаф с книгами, а оттуда его очень хорошо видно, – хех, дурная, такое дело!

– Она что, тоже ... того? – Яша имел в виду осведомлённость Лапки насчёт Улиткиного Дола.

– Да, брат, ещё как! – отвечал Барсук увлечённо. – Я когда в Дол попал в твои годы, там с ней и познакомился на празднике. Она была среди гостей, взрослых выпускников, в костюме страусихи на коньках. Тогда уже была чокнутой, но в Доле всё выравнивается, там все нормальные, не то, что на Доске. Ну вот, а потом, когда ты...

Тут Барсук осёкся, странно глянул в Яшины распахнутые глаза, и быстро отвёл взгляд. Яша твёрдо решил, что блеснувшая слеза в Барсуковом глазу – чистое наваждение. Какая там ещё слеза?

– Так Лапка тут чокнутая? – не понял Яша, стараясь перекричать пулемётные очереди матерщины.

– Ну, а что такого? – спокойно продолжал Барсук, – они же все разные... Лапка нашла меня, как я тебя, и приютила у себя. Она одна живёт, сестра замужем в Германии, а Лапка тут. Пособия какие-то неплохие получает и живёт спокойно. Вот она. Тихо, смотри, – и Барсук замер.

В его глазах играл красный огонь, как у кота, увидевшего мышь. В автобус вошла высокая сухая женщина лет за шестьдесят в добротном пальто и шляпке с вуалькой. Она напоминала большую старую птицу, скорее лебедя, с грустновато-интеллигентной осанкой. Бабушка лебедя спокойно села, не глядя ни на кого, на первое сиденье, показав всем длинную спину в светлом пальто.

В тот же миг по этой элегантной спине простучала первая очередь отборной матерщины, усиленная гоготом, так что сам воздух вокруг Лапки дрогнул, но не она сама. Яша понимал, что Лапка не глухая, но она сидела прямо, не двигаясь, а мат безжалостно бомбил пространство.

Наконец, кто-то из пассажиров не выдержал, и что-то сказал двум парням неуверенным голосом. На что те двое выпустили двойную порцию с такой злобой, как будто их щёлкнули кнутом.

И тут Яша обомлел. Лапка стремительно встала, но то, что произошло дальше, случилось ещё быстрее. Лапка лёгкой молнией метнулась к парням, словно гимнастка, легко вспрыгнула на сидение перед ними, широко расставив ноги под длинной юбкой, вцепившись большими руками в сетчатых перчатках со стразами в спинки сидений, и покрыла всё пространство диким воплем восторга:

– Ур-р-р-ра!!! Мы можем делать всё, что захотим, да? А-а-а-а!!! – последний вопль она произвела, закатив голову на спину и вращая ею, а децибелы увеличила втрое. Орал, конечно, уже не лебедь, а как минимум, самка тиранозавра в брачный период. Парни вскочили, а Лапка в секунду вытащила непонятно откуда петарду и взорвала её.

В рассеивающемся дыму пассажиры в один голос заявили водителю, что взрыв произвели те двое бритых, – а они уже успели вылететь пулей из автобуса, – Барсук же с Яшей, взявши под руки довольную Лапку, вышли на свежий воздух.

– Это что, было подстроено? – спросил совершенно изумлённый Яша.

– Каким образом? Это чистая импровизация, – заявила Лапка, спокойно поправляя пальто, шляпку и перчатки. Тиранозавриха мгновенно и бесследно вымерла. Старый лебедь распрямил спину и вдохнул осенний воздух.

– А она не буйная? – тихо спросил Яша за её спиной.

– Нет, она просто очень артистична и азартна, это талант, – отвечал Барсук.

– А почему ты в костюме, Барс? – томно осведомлялась Лапка.

– Я разбросанный мусор в Парке Горького подбирал, – рапортовал Барсук обыденно. – Толпа была в правильном шоке.

– Почему он удивлён? – спросила Лапка, указывая на Яшу. У неё оказались тёмно-синие глаза, почти прикрытые веками, и сейчас она вся напоминала ненаписанную картину Рембрандта.

– Он просто в восторге от наших методов, Лапка, – улыбался довольный Барсук. Потом он стал объяснять Яше:

– Людей можно будить шоком – в данном случае, это поведение, нарушающее стереотипы мышления или просто сон наяву. Взрывать четырёхмерную структуру, освобождая место для новой, свежей реальности. Главное, самому получать от своей работы удовольствие!

– А мальчика как зовут? – спросила Лапка, рассматривая синими щелями Яшу.

– Яков его зовут, – Барсук обчищал с Яшиных плеч невидимую пыль, – он из наших.

Идём.

Лапка кивнула, и они двинулись к ней в гости.

Квартира Лапки оказалась чисто прибранной и неплохо обставленной, только некоторые предметы, как заметил Яша, стояли в странных местах, в странных количествах или сочетаниях. К примеру, тапочки в прихожей были выставлены цепочкой, как сардельки и среди них была тройка пуантов.

На кухне, которая была и общей гостиной, свисали с потолка на разноцветных верёвочках детские игрушки – зайчики, собачки, мишки. А в туалете, обступив унитаз, стояли три манекена без голов в Лапкиных кофтах.

– Осторожно, в туалете тесно, – предупредила Лапка.

Пока она хлопотала в столовой, Барсук показал Яше свою комнату.

– Заходи, это нора Барсука, будь здесь, как дома, – сказал он, плюхаясь на цветастый диванчик, застеленный пледом.

Комната была маленькой, и в ней не было ничего необычного. Только над втиснутым между диваном и стеной письменным столом висела большая чёрно-белая фотография деревянной лошадки, мутная, и словно бы поцарапанная.

– Нона, мой Проводник, – пояснил Барсук, поймав Яшин взгляд. – В детстве у меня была деревянная лошадка Нона, которая разломалась на составные части и сгнула на свалке. Я потом нашёл старую фотку, – на ней я – карапуз и мои друзья-карапузы, – а в уголке – она. Карапузов я отрезал, а её вот, увеличил. Она была чёрная, разрисованная кистями красной рябины...

– Скажи, Барсук, а Лапка что, вот так каждый раз орёт и взрывает? – спросил Яша, оглядывая комнату в поисках книг.

– Нет, – засмеялся Барсук, – что ты, я же тебе сказал, что она очень талантлива, и каждый раз придумывает что-то новое, такое, что просто загляденье! С прыжком, к примеру, я в первый раз видел. А вообще, почти каждый день она идёт в метро, как на работу, и ходит по вагонам, с парой фраз: «Просыпайтесь. Хватит спать».

– Это же для людей самое главное в глубине их душ, – Лапка всунула голову в комнату. Она показала лопаткой для торта на Яшу, – он знает, что сознание людей спит на девяносто пять процентов?

– Не знаю, – Барсук был счастлив в обществе друзей, – Яков, вы ходили уже на занятие к Греку?

– Имя его Руны Манна-а-аз! – пропела в экстазе Лапка.

– Нет пока, – отвечал Яша на минуту подумав, что сейчас в его элитной школе в журнале напротив его фамилии ставят «н».

– Идите чай пить, – исчезла за дверью Лапка.

– Тоже выпускница Дола... Она то помнит про Дол, то напрочь забывает, не удивляйся, – осведомил Барсук и мягко вытолкнул Яшу из комнаты.

Чаепитие в честь дня рождения Барсука было настоящим, безумным. Лапка напялила на себя какое-то дикое длинное платье, к которому в разных местах были пришиты куски другого платья и пара-тройка мелких мягких игрушек, а на голову повязала чалму из занавески. Голова стала огромной и напоминала Улиткину гору со школой.

– Тебе же неудобно пить чай, – заметил Барсук с улыбкой.

– Я – королева, – уверенно заявила Лапка, – сейчас я королева этого стола, этих чашек и ...

– Торт мне оставите, ваше величество? – шутил Барсук.

– Да, пожалуй, – ответственно заявила Лапка, немного подумав, – у тебя же день рождения.

Внезапно она спохватилась, что гостей маловато, и вытащила из комода игрушки – фигурки кота Леопольда, Чебурашку, крокодила Гену, какого-то безымянного медвежонка и мыши – рассадил их прямо на столе, каждому поставив чашку с чаем.

Потом Лапка взялась петь оперным голосом «прилетит вдруг волшебник» и её чалма всё-таки слетела прямо в центр стола. Яша и Барсук едва успели спасти сахарницу, но зато часть торта перебралась на чалму, которую Лапка упрямо надвинула опять себе на голову. Тогда Барсук, желая усугубить праздничное безумие, включил фокстрот и пригласил Лапку танцевать, на что та серьёзно ответила согласием.

Когда парный танец закончился, а музыка продолжилась, Лапка решила танцевать самостоятельно, и Яша заметил, что он может не скрывать рвущийся гейзер со смехом, – для Лапки это только приятный знак внимания. Наконец, она утомилась и села опять за стол.

– Барс, налей мне чаю, – сонно сказала она, – и вот что, я тебя прошу сделать мне маленький микрофон, переносной. Мне это нужно для работы в метро.

– Будешь говорить громче? Иерихонские трубы рядом с твоим голосом – вздох ежа, – с широкой улыбочкой шутил Барсук, подливая ей в чашку кипятка.

– Знаешь, – неожиданно обратилась Лапка к Яше, махнув большой кистью руки, где на каждом пальце, включая большой, сидело по перстню, а то и по два, – знаешь же, как на Иисуса нападали? А он – всё мимо уха, – любовь в нём сидела такая большая!..

После этого Лапка хотела было идти в метро поработать, но Барсук уговорил её пойти спать, и она легко согласилась. Они с Барсуком остались вдвоём за разрушенной Лапкой сервировкой стола.

– Ну, что грустишь, а? – спросил Барсук.

– Я не хочу ходить в школу, но я... хочу учиться, то есть... чему-нибудь очень стоящему, что ли... Имеющему дальнейший смысл, вот! – сказал Яша, выдавив то саднящее, что омрачало ему весь этот славный денёк.

– Знаешь, первый этап обучения в Улиткинском Доле? Получать настоящие знания там, интегрировать их тут, и только так. Потому ты туда и попал. Этот вариант тебе подходит?

– А может, как ты говорил, перейти куда попроще? У тебя там какая-то знакомая... – неуверенно попросил Яша, думая о земном.

– Хорошо! Конечно! – с лёгкостью отвечал Барсук, а Яша вдруг подумал, что ему, Барсуку, может, всё равно.

Но эту перебила более интересная мысль:

– Стоп, ты сказал про первый этап обучения в Доле... А второй?

Барсук улыбнулся широко, любуясь на Яшу, как скульптор на своё изваяние.

– Второй этап, – Барсук вскинул улыбку-взор на небеса, – обучит каждого из вас входить за информацией в Информационное поле планеты.

Яша смотрел на нового друга, не мигая.

– Типа? Можно не готовиться к экзаменам?

– Ну да. Хотя... в информационном поле данные истинные, а в ваших школьных программах – через строчку чушь собачья.

В кармане джинсов зазвонил мобильник, – это была Марьяна. Она дрожащим голосом сообщила, что мама желает немедленно поговорить с сыном. Наверное, позвонили из школы.

Яша простился с Барсуком, отмахнувшись от объяснений, и приехал домой. В метро мельком он заметил рекламные щиты: «Раскрой свой мир» и «Велю себе машину». «Это из мира волшебников как-то просочилось сюда», – подумал он.

Мама Марина действительно уже знала о пропуске занятий, а кроме того, знала кое-что похуже.

– Яш, ты ходишь в секту? – спросила она в своей сонной манере, но Яша чувствовал, что она напряжена. Она показала ему место рядом с собой на диване. На ней был её обычный всегдашний, любимый французский джемпер серо-полосатого цвета, а пышная чёлка закрывала брови, наполовину скрывая выражение лица.

– Куда?

– Марьяна видела тебя с каким-то типом. Ты не волнуйся так, просто скажи мне.

– Нет, я же не придурок по сектам ходить, – это вышло очень искренне и немного убедило маму Марину.

– Ну, хорошо, – вдруг Марина как-то обмякла, чуть-чуть, и Яша впервые заметил в ней слабину, которая ей очень шла. – Прости, я так мало общаюсь с тобой, не знаю толком, чем ты живёшь...

– Я живу толком, – вдруг жестковато заявил Яша, – только школа мне не нравится, хоть режь, мне туда противно ходить, там всё не живое, скучное, тупое, тяжёлое, можешь ты понять или нет?.. Что, разве нормально, когда мне с пяти лет начали впаривать некую риторику, логику, развитие речи, и до сих пор ничего не рассказали толком, что такое человек, – и не расскажут! То есть я хочу сказать... Помнишь, в школе есть мерзкий плакат, где человек без кожи с мышцами и органами наружу? А тебе никогда не приходило в голову, как это может

сочетаться с тем, что есть тернистый путь духа и куда этот путь ведёт, главное? И вообще, зачем всё это? И то, и другое?

Марина сделала то, что делала, наверное, раза два в жизни – она шире раскрыла глаза.

– А что... ты что хочешь?

– Мама, я не могу, пойми, не знаю почему, но я не хо-чу! Мне противен весь этот стёб, которым и ты занимаешься и меня тянешь! Меня тошнит не только от этого мутного болота, которое называется обществом, но и от этого города! Это что – дома? Вон – пакет молока, вон там – бутылка, пивная банка, или группка фаллосов! Убожество! Не смотри так на меня, это не я их придумал. Вонючая парковка твоя столица! Подумай, что в этом городе хорошего, – ничего.

– Яш, какие-то речи у тебя – сектантские...

– Я не хожу в секту, – отрезал Яков, глядя в упор на пол.

– Может, тебя покрестить? Марьяна у себя в храме договорится, – немного растерянности добавилось маме Марине, и это ей шло ещё больше.

– Мам, – тепло вдруг сказал Яша, присев на пол под мамины глаза, – ты не обижайся, ты пойми, я не хочу нести крест ни свой, ни чужой, я хочу жить. Так как я хочу, как выберу.

– Что ты выберешь, в конце концов? Наркотики? – оба глаза Марины обрели настоящее сокровище – слёзы. Портили взгляд только сами глаза, которые стали похожи на две железные гайки.

– Это тоже убожество. Это – не волнуйся... – Яша и мама обнялись, что происходило очень, очень редко. – Мам, тебе надо это... отдыхать и не волноваться.

А про себя Яков подумал: «А вдруг её бросил мужик, от которого она беременна?» И ему захотелось защищать её, и побить кого-нибудь за неё.

– Слава Богу, Яша, наркоту не трогай, ладно? Никогда. А то не станешь мужчиной.

– Чего? – смутился Яков.

– Ничего! – Марина высморкалась. – Не думай даже попробовать, на этом и попадаются. А то... не только кончить, но и начать не сможешь.

Это было феноменально. Мама Марина, которая видит сына пять раз в месяц, за двадцать секунд провела воспитательную работу по половому вопросу, ни разу не замявшись. Яша засмеялся, и мама тоже. Между ними стало гораздо теплее, и даже проблемы показались не такими уж важными.

– Мам, я хочу перейти в обычную школу, где-нибудь тут, поблизости, – произнёс, наконец, Яша самое главное.

Марина опять смотрела «гайками», не моргая. Яша вспомнил фразу из какой-то книжки: «В её глазах стоял ужас». Теперь вся мама Марина превратилась в готовый к бою танк.

– А дальше *что*? – и в этот вопрос было вложено всё.

– Мама, я не боюсь жизни, она не страшная и хватит меня ею пугать, – просто сказал Яша, и почувствовал, как глубоко это вошло в мамину голову, словно лазер нанёс бронетранспортёру решающий удар. Марина задумалась. Потом обняла сына, и опять у неё полились слёзы.

– Прости, не волнуйся, я в порядке... Просто ты мне напомнил одного...

– Отца напомнил? – это как-то само собой вырвалось, неожиданно даже для самого Яши. Он, наверное, угадал, потому что Марина засуетилась, собираясь уйти от разговора. Потом вдруг обмякла, словно устав нести некий груз, и откинулась на спинку дивана.

– Мам, а где он, ты не знаешь? – Яша вдруг почувствовал, что сейчас тоже заплачет.

– Нет, – сказала Марина тихо, и Яша почувствовал горечь, которую она прятала. – Если бы я знала, я бы сейчас позвонила ему. Наверное.

Они с минуту посидели в совершенной тишине. За это время между ними тихо вырос и укрепился хрупкий драгоценный мостик, которого так не хватало многие годы. Они посмот-

рели друг на друга новыми глазами, но и жизнь, поменявшись, требовала теперь новых решений. Это было очевидно, и мама Марина почувствовала это.

– Ладно. Я тебя переведу. Туда, где дочка Марьяны училась, – сказала она, и Яшу передёрнуло: предлагаемый вариант не был переменной.

Он хотел было возразить, но Марина отрезала:

– Больше на эту тему говорить не будем, а то мне в животе плохо. Всё.

Через час позвонил Барсук.

– Ты чего не звонишь?

– А... У тебя есть телефон?

– Тузик же тебе велел мне позвонить! – шутовал в трубке Барсук. – Ладно, пропустим, номер запиши и всё. Ты как там? У меня к тебе дело есть.

– Барсук, мама не разрешила мне поменять школу...

– Отлично, – не услышал Барсук, – тут другое. Я Серого нашёл. Амбал Толик занят мобильником. Быстро давай.

... В семь часов в октябре уже темно. Яша с Серым, окружённые щедрой столичной иллюминацией, брели вдоль набережной вот уже несколько километров, болтая обо всём сразу.

– Итак, старик, надо решить кое-что, – сказал Серый, усаживаясь на гранитный парапет набережной. За его спиной плескалась чёрная Москва-река. – Мы с тобой попали в некий Дол. Реально это или как? Я чего-то никак не врублюсь.

Яша не ответил сразу. Он смотрел на фиолетовые мармеладные волны, и вся картина его жизни на этот момент побуждала двигаться исключительно к приятному, и двигаться категорически и стремительно. Он ответил:

– Реально-нереально – посмотрим. Не знаю. Но сейчас я бы сбежал туда, не размышляя. Теперь молчал Серый.

– Ладно, – наконец сказал он, спрыгивая, – я бы не отказался научиться попадать туда в тот момент, когда захотелось.

– Ага, тогда тебя оттуда не выманишь, – усмехнулся Яша. – Тебя дома как, жмут?

Серый смотрел на волны. Он пожал плечами и усмехнулся:

– Я же не дипломатский сынок, я оттуда, где говорят, что жизнь дерьмо. Мать работает в собесе, – наверное, и там лает на всех, как и дома. Отец был таксистом, так его уволили как алкана. Стал при нашем ЖЭКе слесарем- гинекологом...

– Как это? – не понял Яша.

– Ходит по квартирам трубы чинить и тётенькам половую жизнь налаживать, – Серый сплюнул в реку.

– А... может, врут?

– Нет, не врут, раз все говорят, и мать его ругает постоянно... А он только жирно лыбится.

– Мать у тебя строгая?

Сергей помолчал.

– Она ... орёт постоянно, но мне её очень жалко, – ребята долго молчали, и потом Серый продолжил:

– Как-то очередной раз разоралась на кухне про то, что не на что мне кроссовки купить, а я хотел выход найти, взял и спросил, положено ли на меня от государства пособие. Тут она, будто её ошпарили, стала орать, мол, и государство на её проблемы положило: если зарплата больше восьми тысяч у обоих родителей, то пособие на детей не дают. «Корми сына, одевай, лечи, учи, потом мы у вас его заберём в армию, ну, может, там убьём! А если деньги на человека не выделяли, то его как бы и нет, я их выделяла на ребёнка, значит, мой сын – моя ответственность!» – передавал Серый слова матери. – Так орала, всё мясо на сковородке сожгла... Наверное думала, что в этот момент отец в какой-нибудь квартире с какой-нибудь тёткой...

– А ты не пробовал её как-то успокоить? Она переживает за тебя, – сердобольно спросил Яша. Тут Серый бросил на него взгляд, полный боли:

– Она, не помню, когда в последний раз обнимала меня, и сестру тоже – сказал Серый, отворачиваясь от реки, и погрузив руки глубоко в карманы широких штанов. – Я как-то пробовал сам. Но она...

Серый замолчал.

– А у тебя сестра есть? Младшая? – спросил Яша, найдя в этой тяжёлой теме островок тепла. Но это ему показалось. Серый вперил взгляд в дальние огни бутиков, словно они были в чём-то виноваты, и он хотел их расстрелять. Вдруг он вздохнул, как бы желая выдохнуть из груди горяч-камень и теперь стал смотреть себе под ноги на мокрый асфальт. Яша чувал, что Серый хочет всё это рассказывать ему.

– Есть, старшая, Сашка, – тут Серый повесил паузу, длинную, как ночь, и горькую, как желчь, потом шмыгнул, мазнув ладонью под носом, и сказал, глядя в другую от Яши сторону, – в восьмом классе она... групповуху пережила, никому ничего не сказала... Призналась мне только года через два. Она – единственный человек, с которым у меня нормальные отношения всегда были. После того признания... Я её обнял, она – меня, потому что меня трясло и я хотел идти и убить тех мужиков, всех, кто попадётся... Она меня успокаивала, гладила, целовала, как мать должна, и мы сидели в темноте молча. Полночи. Плакали. С того вечера мы стали самыми близкими на всём свете. Я стал заниматься боксом, чтобы защищать её, даже учёбу подтянул, ну так, по некоторым предметам...

– А почему вы не заявили на тех?.. – спросил Яша пересохшим ртом.

– Так она же смолчала, и уже два года прошло, – где их искать? Мужики незнакомые и потом она сама попросила, чтобы... вобщем, это тайна. Она сама попросила молчать, – ответил Серый, и вдруг его словно посадили на оголённый провод, задёргался то ли в танце, то ли в судороге, и сказал, опять повернувшись лицом к безмятежным волнам речки, – хуже другое.

– Что? – спросил Яша, словно бы контуженный тем, что он услышал.

– В тот же вечер она призналась, вобщем... что занимается... этим. Понял?

– Нет, – Яша чувствовал себя новорождённым бараном.

– Проституцией занялась, сама уже, – Серый опять перевернулся, теперь лицом к дальним бутикам, в голосе сквозила злость и досада. – Понравилось ей! А я смотрю, у неё причёска иногда такая, как из парикмахерской, а на какие деньги? И угощала меня постоянно, то конфетами дорогими, – втихаря от родителей, конечно, – то пищей кормила. Я потом, когда узнал, ничего этого жрать не стал, меня выблюет. У неё и шмотки новые завелись, но она их у подружки дома в сумке держала, чтобы на свои дела ходить в прикиде... Я помню, что сказал ей в конце – только наркоту не жри, Саш, – и тут она заплакала, проняла её моя забота!

Яшины зрачки, словно взрыв гранаты привлекли зрачки Серого, метнувшие такую горечь, какой он никогда нигде прежде не встречал. Внезапно Серый смягчился, но засмеялся, нервно дёргаясь всем телом:

– Но с этим она у меня не дура, молодец. Она вообще отличница и аккуратная, мне вот футболки стирать любит... Обещала, что с этими походами завяжет... скоро.

Наконец, Серый опустил голову очень низко, и весь повис так, словно у марионетки обрезают все нитки после выступления. Мысли давно покинули Яшу, в нём бушевали чувства, и он обхватил Серого за плечи одной рукой, а другой нашёл его ладонь и сжал.

– Слышь, браток, – сказал он не своим голосом и не своими выражениями, – всё наладится...

Серый слегка ответил на пожатие, и криво, но благодарно улыбнулся, освободив свою ладонь.

– Ладно, хватит, – он похлопал Яшу по спине, – твой Барсук мне сказал, что мы, вроде, скоро надолго в Доле застрянем.

– Нет, я не знал, – сказал Яша, – а почему?

– Ну, занятий много, говорит, а потом какой-то праздник, – ответил Серый, и было видно, что у него отлегло на душе. Он хитро спросил, – а ты не хочешь Машку в Москве найти? Давай твоего Барсука попросим.

– Ты Расу хочешь найти? – Яша чувствовал себя оракулом, потому что Серый покраснел и растянул улыбку, от которой потеплел вечер, но на вопрос не ответил:

– А пошли, по мороженому?

И мальчишки пошли, а потом рванули вдоль парапета набережной наперегонки.

Глава 9. Маназ

От Дома Герани по каменной дорожке вниз по Спирали к морю шли одиннадцать ребят.

– А кого-то нет? – спросил Яша Маху, которая шла рядом с Расой.

– Нет Оли из Астрахани, – отвечала Маха, откидывая одну косу за спину.

– Сюда ведь попадают по желанию, – пояснила Эльвира, изящно вклиниваясь между Яшей и Махой.

– Значит, что-то не так, – вздохнул Петя-итальянец, который шёл позади всех. Яша замечал и раньше, что у этого щуплого смуглого паренька очень острый слух, настоящий дар природы.

– Что-то не так у нас со скоростью сегодня, – сказал Серый и все засмеялись, потому что по залитой солнцем дорожке Улиткиного Дола их вела большая черепаха с чёрным панцирем, высоким, как перевёрнутое ведро. Сол назвал её имя – Геката. Зато у ребят была возможность не торопясь прогуляться, рассматривая Дол, и, конечно же, пообщаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.